Наполеон. Жизнеописание

Андре Моруа

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великие судьбы непредсказуемы. Кто бы мог предугадать в 1769 году, что только что родившийся корсиканский мальчик создаст со временем во Франции Империю и будет раздавать братьям троны Европы? Кто бы мог предвидеть в 1794 году, что молодой лейтенант, даже не вполне француз, станет в 1800-м хозяином страны? Кто бы дерзнул утверждать в 1810 году, что пять лет спустя эта блистательная звезда померкнет? Кто бы мог вообразить в 1815-м, что шесть лет изгнания станут пьедесталом для самой ослепительной посмертной славы века? И кто тогда думал, что этот человек, двадцать лет водивший французов в бой, к победе, а потом к поражению, останется дорог их сердцам, а его легенда будет одной из самых прекрасных в истории?

- Андре Моруа
  -
  - Годы юности
  - Генерал Бонапарт
  - Герой в резерве
  - Первый консул
  - Империя. Триумфальная фаза
  - Закат Империи
  - Империя. Завершающая фаза
- notes
  - 1

Андре Моруа
Наполеон
Жизнеописание

Великие судьбы непредсказуемы. Кто бы мог предугадать в 1769 году, что только что родившийся корсиканский мальчик создаст со временем во Франции Империю и будет раздавать братьям троны Европы? Кто бы мог предвидеть в 1794 году, что молодой лейтенант, даже не вполне француз, станет в 1800-м хозяином страны? Кто бы дерзнул утверждать в 1810 году, что пять лет спустя эта блистательная звезда померкнет? Кто бы мог вообразить в 1815-м, что шесть лет изгнания станут пьедесталом для самой ослепительной посмертной славы века? И кто тогда думал, что этот человек, двадцать лет водивший французов в бой, к победе, а потом к поражению, останется дорог их сердцам, а его легенда будет одной из самых прекрасных в истории?

Годы юности

Когда он родился, 15 августа 1769 года, Корсика всего год как стала французской территорией. Генуэзцы продали Франции этот прекрасный гористый, поросший лесами остров в 1768 году. Постоянные мятежи корсиканцев, народа гордого, в конце концов утомили итальянские власти. Многие советники Людовика XV этого приобретения не одобряли. Если бы к их мнению прислушались, как сложилась бы судьба Наполеона Буонапарте? Остров мог бы стать независимым государством под управлением главы корсиканского сопротивления Паоли, и жители довольствовались бы политикой кланов; или же его завоевали бы англичане народ слишком консервативный, чтобы допустить головокружительный взлет карьеры одного человека. Так что он мог прожить жизнь вполне заурядную и, возможно, счастливую на нескольких арпанах земли, засаженной шелковицей, виноградом и оливами.

Карло Бонапарт (или Буонапарте), итальянец по происхождению, из мелких дворян, пользовался уважением у себя на острове. Семья была родом из Тосканы. На Корсике они кое-как пробавлялись доходами от неважных земель и от разных нотариальных или судебных контор. Клан поддерживали двое дядюшек, священники, «люди заслуженные». Один из них стал архидьяконом Аяччо. Красивый и смелый Карло Бонапарт женился в восемнадцать лет на дочери находившегося на службе у Генуэзской республики чиновника — Летиции Рамолино, которой в ту пору было четырнадцать. Летиция Бонапарт пронесла через всю жизнь чувство чести и естественное для корсиканцев сознание собственного достоинства. Даже в богатстве она оставалась бережливой, ибо знавала нищету. Стендаль высоко отзывался о ее невозмутимом, твердом и в то же время пылком нраве, напоминавшем женщин Плутарха или героинь итальянского Возрождения.

Когда Корсикой завладели французы, Паоли, ярый поборник независимости, стал биться против новых иноземцев. Карло Бонапарт, вместе со своей молодой красавицей женой, остался верен герою сопротивления. Лишь после поражения и изгнания Паоли он согласился принять удостоверение французского майора и вернуться в свой дом в Аяччо, где в августе жена его разрешилась от бремени. Легенда гласит, что Летиция не смогла добраться до спальни и родила своего второго сына, Наполеона, в прихожей, на ковре с изображением античных фигур. Всего у нее было тринадцать детей, из которых выжили восемь: Жозеф

(старший), Наполеон, Люсьен, Жером, Луи, Каролина, Элиза и Полина.

Чтобы кормить столь многочисленное семейство, надо было работать, а значит, примириться с французами. Они обещали все простить и забыть. Карло Бонапарт примкнул к французской партии. Тем не менее детей воспитывали на великих воспоминаниях о Паоли и свободной Корсике. Паоли был первым кумиром Наполеона. Вождь корсиканских патриотов стал главнокомандующим, не достигнув тридцати лет; он постоянно цитировал Плутарха, и этот греческий автор стал катехизисом молодого человека. Летиция Бонапарт, женщина, наделенная выдающимся умом в той же мере, что и красотой, привлекла внимание французского генерала графа де Марбефа, «ухаживавшего за ней на итальянский манер» (Стендаль). Благодаря дружбе г-на Марбефа Карло Бонапарт был признан дворянином (каковым он и был) и послан в качестве депутата от Корсики к французскому двору в 1779 году. Племянник генерала Марбефа, архиепископ Лионский, выхлопотал семье Бонапарта три стипендии: одну для Жозефа — в семинарии Отена; вторую для Наполеона — в военном училище Бриенна; и третью для одной из дочерей — в королевском пансионе Сен-Сир. Итак, в девять лет Наполеон был привезен отцом во Францию. Событие на первый взгляд незначительное. Кем он был? Корсиканским мальчишкой, умным, задиристым, опьяненным диким воздухом своего острова, малообразованным и говорящим практически только на местном диалекте.

«Характер Наполеона закалился в Бриеннском училище через великое испытание гордых, пылких и робких натур — столкновение с врагами-иноземцами» (Бенвиль). Так как свое имя он произносил с корсиканским акцентом и получалось что-то вроде «Напольоне», товарищи прозвали его la-paille-au-nez («ла-пай-о-не» — «солома-в-носу»). Можно представить себе, каким он был — мрачный, мнительный, презирающий игры. Он — «ученик короля»; с ним вместе учатся молодые люди из хороших семей; но он по-прежнему считает свою родину, Корсику, захваченной и угнетаемой французами. Однако понемногу характер стал брать свое, и окружающие начали относиться к нему с уважением. В военных играх он проявлял талант к строительству укреплений. Общаясь с французами, он перенимал их предрассудки, становился человеком XVIII века, получал религиозное воспитание, скорее вольтерьянское и великосветское, чем евангельское. Блестящие успехи в учебе? Нет, средние. Хороший математик, он отказывался учить латынь и сохранял оригинальнейшую орфографию во французском языке. Зато

увлекался историей, географией и читал запоем. Говорят, один из преподавателей отзывался о его манере: «Гранит, подогреваемый вулканом». Что ж, может быть.

Пять лет Наполеон не видел семьи. Карло Бонапарт по-прежнему испытывал материальные трудности. Жозеф, предназначенный в священники, бунтовал. Люсьен достиг возраста, когда ему следовало бы поступить в Бриенн, но два брата не могли получать там стипендию одновременно. Да и Наполеона пока еще не посылали в парижскую военную школу. Инспекция военных училищ колебалась на его счет между флотом и армией. Наконец, благодаря оценкам по математике, он был послан как «артиллерист» в парижскую военную школу. Это было в 1784 году.

И вот молодой корсиканский стипендиат попадает в роскошные здания, спроектированные Габриелем и по сей день вызывающие у нас восхищение. Он поражен их величием и стилем жизни школы, где учатся юноши из самых родовитых семей, и вообще поражен богатством Парижа и Франции. В училище он обретает друзей, которых сохранит и которым поможет впоследствии сделать карьеру. За годы учебы в парижской школе он не привлек к себе особого внимания. Преподаватель немецкого считал его неотесанным дикарем; математик относился к нему с уважением. В 1785 году он сдал экзамен на зачисление в артиллерию. Из 32-х свободных мест ему досталось 12-е, и он был отправлен в чине младшего лейтенанта в полк де Ла Фера. Стендаль рассказывает, что нашел возле его имени приписку: «Корсиканец по характеру и по рождению, этот юноша пойдет далеко, если тому будут способствовать обстоятельства».

В том же году (1785) Карло Бонапарт скончался в возрасте тридцати девяти лет от рака желудка. Г-жа Летиция осталась одна с детьми, столь же обремененная семьей, сколь лишенная средств к существованию. К великому счастью, Наполеону тогда оставалось выдержать только одно испытание, чтобы получить жалованье. Он был произведен в лейтенанты в шестнадцать лет и пятнадцать дней от роду. Это было почетно. Он ничем особо не поразил своего экзаменатора (знаменитого Лапласа), но мог быть доволен собой. От корсиканского мальчишки, говорящего только на диалекте, до лейтенанта королевской армии путь был проделан немалый. Он хотел попасть в гарнизон где-нибудь на Юге, чтобы быть поближе к Корсике; его направили в Валанс. Устав весьма мудро предусматривал, чтобы будущий офицер отслужил три месяца в строю как канонир; так Бонапарт научился понимать солдат и разговаривать с ними. В январе 1786-го он

наконец получил мундир и эполеты.

Каков он теперь? И чего он хочет? Прежде всего зарабатывать на жизнь, помогать семье, по возможности вернуться на Корсику и сделать там политическую и военную карьеру. Лавры Паоли не дают ему покоя. Он мечтает написать историю Корсики. Ведь в глубине души этот артиллерист еще и сочинитель. В Валансе он перечитал все, что только можно. Военных книг там было мало; он с головой уходит в политику: читает Руссо, аббата Реналя. Пытается обосновать необходимость освобождения Корсики. Сам он измарал немало бумаги, его мечта прославить имя Наполеона Бонапарта в литературе. Наконец, он получает отпуск и сразу же отправляется к себе на остров с чемоданом книг: Тацитом, Монтенем, Монтескье, а также Корнелем, которого знает наизусть и декламирует. За время службы он немного обучился военному искусству. «Кроме математики, артиллерийского дела и Плутарха» он ничего не знает глубоко. Но обладает способностью «невероятно быстро находить новые идеи» (Стендаль) и подходить к любому вопросу непосредственно, словно до него никто этого не изучал.

И вот он в Аяччо, в доме у своей необыкновенной матери. Почтенная женщина очень несчастна; ей необходима хоть какая-нибудь пенсия. Наполеону, как человеку, облаченному в почетный мундир, поручается ехать во Францию хлопотать за семью. Он отправляется в Париж, добивается аудиенций, но безрезультатно. Правда, под сводами галерей Пале-Рояля он встречает молодую особу, торгующую своими ласками. Она кажется ему такой же робкой, как и он сам, и он решается с ней заговорить; читает нотацию в духе Руссо, а потом соглашается последовать за ней. Это его первый опыт если не любви, то близости с женщиной. Событие он описал в рассказе — реалистическом и даже талантливом. Вернувшись на Корсику, он живет там долго, продлевая отпуск на целых двадцать месяцев. Там его настоящая жизнь. Наконец в июне 1788-го он вынужден скрепя сердце вернуться в полк.

Его больше не посылают в Валанс. Теперь он отправляется в гарнизон Оксонна, маленького городка в Бургундии. Живет в почти пустой комнате. Рядом с ним на матрасе спит младший брат Люсьен, взятый им на содержание. Период этот прошел не без пользы, ибо его командир, генерал дю Тей, увлекался военным искусством и дал ему почитать «Общее пособие по тактике» графа де Гибера, известного в качестве любовника мадемуазель де Лепинасс, но снискавшего и иную славу — как создатель кодекса современной войны. Добиться преимущества на главном направлении, атаковать, бросив туда все свои силы,

достичь эффекта неожиданности быстротой действий — все, что в дальнейшем назовут «теорией наполеоновской войны», было в полной мере изложено уже у Гибера. Лейтенант Бонапарт принял это к сведению.

Его работоспособность не знает пределов. Он учится где угодно и чему угодно; однажды это пригодится. Он анализирует «Республику» Платона и историю Фридриха II. Попав на гауптвахту, он бросается на единственную оказавшуюся в помещении книгу — «Институции» Юстиниана. Великолепная память фиксирует содержание сборника. Однажды он приведет в изумление Государственный Совет, цитируя римские законы. Но пока на дворе 1789 год. Разражается Французская революция. В Бургундии, как и повсюду, беспорядки. Там, где командует лейтенант Бонапарт, они сурово подавляются. В монастыре Сито он отдает приказ арестовать четверых или пятерых наиболее строптивых монахов, сажает их в монастырскую тюрьму и тем самым пресекает мятеж. Едва почувствовав необходимость, он грозит открыть огонь и не колеблясь переходит от слов к делу; подобно Гете, он предпочитает несправедливость беспорядку. И все же это не его революция. Француз по воле случая, солдат короля по профессии, он прежде всего задается вопросом, как эти великие события могут сказаться на освобождении его родины — Корсики.

Революцию он наблюдает со стороны, как зритель, по возможности экономя силы и то и дело беря отпуск, чтобы съездить «на родину». Он жил там с сентября 1789-го по январь 1791-го, с октября 1791-го по апрель 1792-го, с октября 1792-го по июнь 1793-го и увяз в местных ссорах. Сыграв весьма опасную роль в одном из мятежей в Аяччо, он рискует быть причисленным к эмигрантам и оказаться изгнанным из армии. Между тем положение, социальное и материальное, есть у него только во Франции. Заволновавшись, он спешит в Париж, где с помощью друзей — депутатов Ассамблеи от Корсики Саличетти, Кьяппе и Казабьянка — возвращается к службе и даже получает чин капитана. 10 августа, увидев в окне Людовика XVI в красном колпаке, он воскликнул: «Ну и мразь!» Он бы на его месте приказал стрелять «в этот жалкий сброд». В двадцать три года он абсолютно утратил веру в идеальную революцию, описанную философами, которых отныне презрительно называл идеологами. Отныне у него будет не система, а цель — действие. Относительно Корсики у него еще остается надежда: видя, как Франция движется к анархии, он спрашивает себя, не воспользуется ли остров низложением французского короля, чтобы обрести свободу. В этот момент девичий пансион в Сен-

Сире, учреждение королевское, прекращает свое существование; Наполеон должен отвезти домой сестру Элизу; отличный предлог, чтобы лишний раз съездить к себе на остров.

По дороге брат и сестра заехали в Тулон, где находился их младший брат Люсьен. В порту разъяренная толпа приняла их за аристократов, потому что у юной Элизы на шляпе была черная лента. Наполеон сорвал ленту и бросил ее в воду. Заметим, что Франция в это время ведет войну против всей Европы, и это не мешает французскому офицеру, лейтенанту Бонапарту, спокойно отплыть в Аяччо. Он не считает это своей войной.

Январь 1793-го. Победоносные французские войска отразили наступление неприятеля, заняли Бельгию, Савойю, Ниццу. Французское правительство хочет прибрать к рукам Сардинию, бедный остров, принадлежащий Савойскому дому. Операцию осуществляют французские войска, усиленные корсиканскими добровольцами. Исключительный случай быть одновременно корсиканским и французским офицером. Умело похлопотав, Наполеон добивается временного назначения подполковником корсиканских добровольцев. Он принимает участие в экспедиции в качестве командующего артиллерией, состоящей из двух пушек и одной мортиры.

Это первая его кампания, и складывается она весьма плохо. Между французскими и корсиканскими войсками никакого доверия. Корсиканцами командует Чезари, родственник Паоли, которому Паоли тайно посоветовал провалить экспедицию. Коварная миссия будет выполнена. Бонапарт, близко к сердцу принимавший эту маленькую войну, благополучно высадился на острове Сан-Стефано и весьма умело вел артиллерийский обстрел. Но матросы взбунтовались, Чезари, следуя тайным инструкциям Паоли, капитулировал, и Бонапарт в бешенстве вынужден был плыть обратно, бросив свои три орудия на произвол судьбы. Необычайно любопытна двойственность поведения молодого человека по возвращении. Он подписывает официальный протест офицеров-добровольцев против позорного отступления и в то же время в частном письме снисходительно отзывается о Чезари (Годлевский). Как тут разобраться?

На Корсике вспыхивает вендетта между кланами Паоли и Бонапартов. Старый лидер, все сильнее ненавидящий французов, опасается этой переметнувшейся семьи. И не напрасно, ибо юный Люсьен (18 лет) уже выставил его в тулонском клубе якобинцев как английского шпиона. В Париже отдается приказ арестовать Паоли. В ответ паолисты начинают ожесточенную борьбу с Бонапартами. Им вменяют в вину королевские стипендии, дружбу г-на де Марбефа, выходки Люсьена. Наполеон передает матери

записку: «Готовьтесь к отъезду; эта страна не для нас». Г-жа Летиция едва успевает покинуть Аяччо, как ее дом подвергается разграблению. С малыми детьми скитается она по побережью, куда на французском корабле приплывают за ней с трудом ускользнувшие от верных Паоли крестьян Жозеф и Наполеон. Семья находит пристанище сначала в Кальви, потом, в июне 1793-го, в Тулоне и, наконец, в Марселе.

И тут приходит нужда, почти нищета. Какими, собственно, средствами располагают Бонапарты? Одно капитанское жалованье и скудное репатриантское пособие, которое французы выплачивают корсиканским беженцам. Но г-жа Летиция мужественная женщина, а ее сыновья хороши собой. Ей удается породниться с одним марсельским купцом, торгующим тканями, по имени Клари: Жозеф женится на его дочери Мари-Жюли; в один прекрасный день она станет королевой Испании. Наполеон охотно сделал бы своей женой вторую дочь, Дезире. Но, говорят, Клари счел, что на семью довольно одного Бонапарта. В будущем Дезире выйдет замуж за Бернадота и станет королевой Швеции. Клари допустил ошибку, отказав второму Бонапарту. Но кто мог предвидеть, каким невероятным образом повернется история? В то время как другие делали карьеру и добивались почета и уважения, двадцатичетырехлетний Наполеон был всего лишь заштатным капитаном, казалось не имевшим будущего.

Он загубил лучшие годы, тщетно преследуя корсиканскую мечту. Опыт Аяччо и Сардинии одновременно излечил его от корсиканских надежд и революционных мечтаний. Он выбросил за борт всякую идеологию, всякую метафизику и всякий провинциализм. Он больше не верит в доброту человеческой натуры. Людьми движут страх, корысть, часто еще чувство чести. Он будет служить Революции, потому что больше пока служить некому. Вначале — в качестве скромного подчиненного. В Ницце, в береговой артиллерии, он разжигает печи, чтобы стрелять раскаленными ядрами по английским судам; в Авиньоне занят снаряжением обоза для Итальянской армии как «обозный солдат». Его военная карьера не движется с места; он снова делается литератором и пишет «Ужин в Бокере».

Это лучшее из его сочинений, мастерски написанное и имевшее серьезные последствия. Юг Франции восстал против Конвента. Марсель был жирондистским. Капитан Бонапарт написал блестящий, остроумный диалог, где доказывал марсельскому федералисту, что Конвент непременно победит, так как имеет в своем распоряжении самую лучшую, единственную в своем роде армию. И если марсельцы решат сопротивляться, их город будет разрушен. Прекрасно выстроенный, лишенный всякой

патетики текст понравился комиссарам Конвента. Для них это была превосходная пропаганда. Один из комиссаров, Саличетти, был корсиканцем и другом Бонапарта: они вместе сражались против Паоли. Он посоветовал назначить командиром батальона своего соотечественника «единственного капитана артиллерии, способного спланировать операцию» — и использовать его при осаде Тулона.

Восставший город призвал на помощь англичан. Революция оказалась под угрозой, так как одновременно в Лионе был поднят белый королевский флаг; в Провансе продолжалась гражданская война. Англичане, испанцы и сарды могли сформировать армию в Тулоне, подняться по долине Роны и соединиться с войсками Пьемонта и восставшими лионцами. Поэтому Конвент направил генерала Карто, чтобы осадить и отвоевать Тулон. Генерал был человеком храбрым, но не слишком умным, и когда молодой артиллерист заявил, что ключевая позиция тулонского берега — это высота Эгийетт, он не понял, что именно там, а не на самом городе, следует сосредоточить основной удар.

Между тем, прав был не генерал, а молодой капитан, и здесь с потрясающей наглядностью проявилась одна из сторон гения Бонапарта: все изучить и приготовиться ко всему. Однажды оказавшись в Тулоне просто проездом, он исследовал рейд и выбрал место для расположения батареи. Еще тогда он заключил, что с высоты Эгийетт можно стрелять раскаленными ядрами по судам на рейде и вынудить их отступить. Если Карто ничего не понял, то сменивший его Дюгомье внял настойчивым и резонным объяснениям Бонапарта. Все произошло так, как предвидел последний. Бонапарт, сам стрелявший из пушки, был ранен; на этом деле он заработал чин бригадного генерала, о котором ходатайствовали не только Саличетти, но и два других комиссара: Робеспьер-младший и Баррас.

Генерал Бонапарт

Не следует думать, что этот первый успех неизбежно должен был повлечь за собой солидную военную карьеру. При Терроре многих производили в бригадные генералы; и столь же легко они были разжалованы. Бонапарт завоевал уважение Робеспьеров, но что станется с самими Робеспьерами? В марте 1794-го он становится начальником артиллерии Итальянской армии. Назначение важное, так как оно дает Наполеону возможность освоиться с географией местности, в дальнейшем ставшей театром нескольких славнейших его кампаний, а также с поведением войсковых соединений. Главнокомандующий и представители Конвента сразу же отнеслись всерьез к новоиспеченному генералу, молодому, тщедушному, но держащемуся сурово и невольно внушающему уважение. Вскоре ему было поручено составление плана операций, и все изменилось. Уже три года «огонь велся без искусства»; за несколько месяцев положение было восстановлено. Бонапарт готовил план, открывший ему в будущем дорогу на Пьемонт, когда события 9 термидора положили конец Террору в Париже. Робеспьеры были свергнуты, а молодой генерал арестован по приказу его же друга Саличетти. В революционные времена дружба — вещь хрупкая и ненадежная. Бонапарт был освобожден, но остался под подозрением. В 1795 году Париж отозвал его с итальянского фронта, чтобы послать в Вандею.

Он отказался. По-видимому, со стороны человека, не имевшего в запасе другой карьеры, это было дерзостью. Почему он отказался? Отчасти потому, что его хотели назначить в пехоту. «Это не мое оружие», — сказал он; отчасти потому, что мысль покинуть театр больших военных действий (Италия) ради местной гражданской войны приводила его в бешенство; в основном же потому, что он не хотел биться против французов. Другие генералы — Клебер, Ош — на это пошли. Но они были французами, а не корсиканцами. Истинная же, глубокая причина заключалась в том, что Наполеон дорожил своей независимостью. Он чувствует себя слишком сильным, чтобы быть послушным. Но надо как-то питаться. Брат Жозеф присылает ему немного денег; адъютант Жюно делит с ним свои скудные запасы. Жюно мечтает жениться на Полине Бонапарт, девушке редкой красоты. Бонапарт его не обнадеживает: «У тебя ничего, у нее ничего. Что вместе? Ничего».

Сентябрь 1795 года был для него удручающим. Отказ отвратил от него министров. В поношенном мундире он таскается

по приемным, где иногда с ним советуются по техническим вопросам относительно итальянского фронта. Общается с сомнительными людьми из окружения Барраса. Снова им овладевает жгучее ощущение провала. В Тулоне и Ницце ему удалось расправить крылья и подняться над землей. И вот он упал. Узнав, что султан вербует во Франции офицеров-артиллеристов, он поддается искушению. Великий Турок хорошо платит, а Восток — край «Тысячи и одной ночи». Его задержал случай: военному топографическому бюро потребовались его услуги, и он упускает восточное дело. Затем кто-то из представителей Комитета общественного спасения возобновляет дело робеспьеровского генерала и увольняет его из действующей армии. Казалось, Бонапарту конец; но никогда его звезда не помогала ему настолько. Окажись он на службе у султана, там бы, видимо, и остался. И стал бы пашой, но не императором.

Двадцать один день спустя Конвенту понадобится твердый генерал. И вот почему: Термидор покончил со сторонниками террора и отдал власть в руки Барраса, Тальена и их друзей. Им пришлось изменить режим. Они выработали новую конституцию, образовав исполнительную Директорию из пяти членов и двухпалатное Законодательное собрание. Но ни в коем случае не хотели они допустить прихода к власти правых роялистов, активно зашевелившихся в Париже. Новые правители тоже были убийцами короля. Не для того они покончили с красным террором, чтобы прийти к террору белому, который спросил бы с них по всем счетам. Поскольку ничто не гарантировало, что выборы, которые они были вынуждены провести, не окажутся роялистскими, они приняли меры предосторожности. Две трети нового Законодательного собрания будут выбраны из состава старого Конвента. Это самоуправное решение, призванное выиграть время, вызвало бурю протестов. Если правые силы, совершившие термидорианский переворот, станут атаковать Конвент, кто будет его защищать? Осудив Робеспьера, они оттолкнули от себя «красные колпаки». У них только одно прибежище — армия. На защиту Конвента по очереди призывали генералов Пишегрю, потом Мену. Париж восстает против декретов о «двух третях, оскорбительных для нации». Вечером 12 вандемьера (4 октября 1794-го) Мену вступает в переговоры с мятежниками. Означает ли это победу восставших?

Если да, Конвенту конец. Он решает защищаться, смещает Мену и назначает командующим внутренними войсками Барраса, ставшего после термидорианского переворота бравым военачальником с большой саблей на боку. Но на самом деле он был не воином, а развращенным пройдохой. Чтобы осуществлять

командование, ему нужен специалист. Он часто встречался с опальным молодым генералом, чью энергию ему довелось оценить при осаде Тулона. И теперь обратился к Ассамблее с просьбой дать ему в помощники Бонапарта. Конвент в тот момент настолько перепуган, что готов на что угодно. «Бонапарт? — спрашивают солдаты. — А кто это?» Вызывают удивление небрежность его туалета, длинные ниспадающие волосы, но особенно — его активность. «Казалось, он был сразу повсюду, свидетельствует Тьебо в своих «Мемуарах». — Действенность его распоряжений поразила всех и от восхищения привела к доверию».

В распоряжении Конвента было всего 8 000 человек; ряды мятежников насчитывали 30 000, но были разделены надвое Сеной, тогда как Бонапарт занимал центральную, легко обороняемую позицию. В Саблонском лагере, в районе Нейи, были пушки. Чтобы овладеть ими, восставшие направили туда батальон. Но Бонапарт их опередил и поручил молодому командиру эскадрона по имени Мюрат доставить их с помощью 300 лошадей. Как только у него появилась артиллерия, он начал яростный обстрел мятежников на ступенях церкви Святого Роха. Триста или четыреста человек были убиты. Кровавая бойня охладила пыл остальных. Одержав также победу на площади Карусель и на Королевском мосту, Бонапарт отразил штурм и спас Конвент. По политическим соображениям? Конечно, нет. Если бы восставшие доверили ему командование, он бы «разнес представителей». Он просто воспользовался случаем выделиться. Отныне он становится «генералом Вандемьером», знаменитым быстротой реакции на события. Баррас утверждает его в чине и поручает ему командование внутренней армией. Наконец-то он прочно сидит в седле.

Теперь он намерен по-настоящему командовать армией. Уличные бои, обязанности префекта полиции — это не его дело. И генерал Бонапарт заводит с Карно, членом Директории, уполномоченным по военным делам, которого часто видит по долгу службы, разговор об Италии. Новости оттуда приходят не блестящие. Да и Директории, которая только что взяла на себя серьезную ответственность, аннексировав Бельгию и оставив у себя в тылу Англию, очень нужны победы. «Будь я там, — сказал Бонапарт, — австрийцы вскоре были бы разбиты». «Вы поедете туда», — ответил Карно, знавший цену молодому генералу. Прекрасная мечта — стать главнокомандующим Итальянской армией в двадцать шесть лет.

Мечта, очень скоро воплощенная в жизнь. Баррас тоже благоволит к «маленькому капитану». Их объединяют не только

Тулон и Вандемьер; есть еще Жозефина де Богарне. Креолка, изящная и доступная, «хуже, чем красивая» (Бенвиль), вдова генерала де Богарне, гильотинированного при Терроре. Ей тридцать два года, и у нее двое детей: Гортензия и Евгений. Позже Наполеон рассказывал, что Евгений как-то пришел к нему испросить разрешения оставить у себя шпагу отца, встретил хороший прием и стал расхваливать аристократические манеры генерала Бонапарта, после чего Жозефина захотела поблагодарить модного героя. На самом же деле он, должно быть, не раз встречал ее в доме Барраса, чьей любовницей она была.

Он сразу же стал своим человеком в домике Жозефины на улице Шантерен и влюбился без памяти. До сих пор женщины его не баловали. А Жозефина знала свет, великолепно разбиралась в чувственной стороне жизни и, не имея денег, водила ценные знакомства. Баррас посоветовал молодому генералу на ней жениться. Она скрывала свой возраст? Была на шесть лет старше него? Ну и что? Она принесла ему сразу и Старый Режим (как г-жа де Берни Бальзаку), и полезные связи в новом; она придала ему солидности. Бракосочетание состоялось, и свадебным подарком Барраса стало назначение Бонапарта главнокомандующим Итальянской армией.

Это было то, к чему давно стремился Бонапарт, но задача предстояла нелегкая. Когда 27 марта 1796 года новый главнокомандующий прибыл в Ниццу, действующая армия насчитывала немногим менее 40 000 человек. У неприятеля австрийцев и пьемонтцев — было 80 000. Французские солдаты жили в немыслимой нищете; не хватало обуви и одежды. Продовольствие не подвозилось. Солдаты стреляли из ружей чести ради, но не продвигались вперед ни на шаг. Прибытие нового главнокомандующего «произвело истинную революцию в нравах» (Стендаль). Генералы — Массена, Ожеро, Бертье — были старше его и пришли в бешенство от того, что над ними поставили желторотого юнца без всякого опыта. Привыкнув к республиканской фамильярности, они собирались вести себя с новым главнокомандующим вызывающе, тем более что внешние данные говорили не в его пользу: маленький рост, плохо остриженные волосы, «слишком небрежно завязанный» трехцветный пояс (Тьебо), корсиканский акцент.

С первых же встреч он заставил себе подчиняться. Манера себя вести, взгляд, голос — все держало «старых вояк» на расстоянии. С генералами он был суров и необщителен; солдатам быстро сумел вернуть надежду. «Солдаты, вы босы и голодны. Я хочу отвести вас в самые плодородные в мире долины. Богатые провинции, большие города будут в вашей власти. Вы обретете

там честь, славу и богатство». Это было заявление в античном духе, достойное читателя Плутарха и Тита Ливия. Но, чтобы не потерять лицо, надо было выполнить обещание. Существовал ли у него план кампании? В кабинетах Карно такой план был разработан, и Бонапарт поначалу следовал ему.

Надо напомнить, что он практически не имел опыта командования большими соединениями. Но очень скоро он научится и станет импровизировать. Ему помогают многие черты характера. Во-первых, он не стесняется учиться публично. Его разговор — это поток настойчивых и последовательных вопросов. Менее уверенный в себе командир побоялся бы обнаружить свое невежество. Но не он. Он убежден, что очень скоро будет знать больше, чем те, кого он спрашивает; его мозг схватывает и сортирует. Кроме того, у него солидный запас знаний; он много читал; в Италии, стране сложной, он легко ориентируется благодаря изучению географии и истории. Он знаком с этими королевствами, с этой Папской областью; он и сам итальянец по образу мыслей. Наконец, он удивительно разбирается в политике и умеет извлечь пользу из любой победы, любого удачного стечения обстоятельств.

С первых же недель он следует принципам Гибера: добиться преимущества на определенном участке и атаковать в этом пункте. Это позволило ему одержать несколько побед над вражескими армиями, открыть дорогу на Пьемонт и подписать перемирие с королем Виктором-Амедеем. Кто дал молодому генералу право выступать на переговорах от имени Франции? Никто. Но во Франции он имеет дело с правительством слабым, нуждающимся в деньгах и в успехе; вскоре он отправит в Париж связки захваченных у неприятеля знамен, повозки с миллионами и восхитительные произведения искусства. Какое правительство откажется от таких даров? Впрочем, приставленный к Бонапарту Директорией комиссар — это Саличетти, чьи слабости он знает и использует. Одновременно с большой стратегией он приобщается к большой политике.

Австрийскими войсками командует генерал старой закалки — Больe. Но как противостоять неистовому молодому корсиканцу, не соблюдающему классических принципов ведения войны, идущему на неимоверный риск, оказывающемуся повсюду одновременно? Горная местность, долины и ущелья позволяли действовать внезапно и благоприятствовали гению Бонапарта. Победа при Лоди 10 мая дала ему полное доверие армии. Он лично участвовал в сражении и шел на штурм. В тот день перед ним впервые замаячила его великая судьба. Позже Наполеон скажет Лас-Казу, что после Тулона и Вандемьера он был далек от

того, чтобы считать себя человеком выдающимся, и лишь после Лоди осознал, что может позволить себе любые амбиции. И еще, в разговоре с Гурго: «Мир бежал подо мной так, словно я летел по воздуху».

Он стал хозяином богатой Ломбардии, Милана. Остальные итальянские государства просили о переговорах. Что же касается армии, то никто лучше Стендаля не описал восторг и упоение этих молоденьких офицеров, имевших зачастую одну пару башмаков и одни штаны на троих и вдруг попавших во дворцы к прекрасным и пылким женщинам. Часть итальянского дворянства республиканскую армию бойкотировала, но большинство итальянцев радовалось освобождению от австрийского владычества. Бонапарт умело добился расположения духовенства. Один из его итальянских родственников был старым каноником, и он нанес ему визит. Может, Директория это осуждала? Но что она могла сделать с таким победителем? Когда Бонапарту предложили разделить армию с Келлерманом, он пригрозил подать в отставку. «Или я один, или без меня». Сказано это было потактичнее, но смысл ультиматума был ясен.

Теперь он нужен был больше, чем когда-либо. Чтобы сохранить хоть какую-то власть, дискредитированное правительство должно было добиться славы, удержать Бельгию и по возможности заполучить левый берег Рейна. Это зависело от Австрии. Чтобы убедить ее сесть за стол переговоров, надо было утвердиться в Италии и в один прекрасный день предложить австрийцам обмен: Северная Италия за возвращение Франции к естественным границам. Этого-то и стремится достичь Бонапарт. У него в Италии свой план: основать там две республики под своим протекторатом и отдать Венецию как компенсацию Австрии. Но противник пока не идет на переговоры. Австрийцы выставляют против французов своих лучших генералов: Вюрмзера и Альвинци. Бонапарт ожесточенно бьется.

Тем более ожесточенно, что ревнует и страдает как муж. Жозефина, которой он пишет пылкие, исполненные желания письма, «необычайно жгучие любовные письма, где говорится об одних лишь поцелуях» (Мериме), изменяет ему, как сообщили, с неким г-ном Шарлем. «Ему мы обязаны были бешеным ритмом итальянской кампании» (Максимилиан Вокс). Письма эти прекрасны, несмотря на невообразимую орфографию. «Я недоволен. Твое последнее письмо холодно, как дружба. Я не нашел в нем огня, горящего в твоих очах». «Разве ты не знаешь, что без тебя, без твоего сердца, без твоей любви нет для твоего мужа ни счастья, ни жизни». «Вдали от тебя ночи долгие, бесцветные и грустные. Рядом с тобой жалеешь, что ночь не

длится постоянно». Жестокая Жозефина смеется; она не понимает, что вышла замуж за величайшего человека своего времени.

Решившись же наконец приехать к нему, она попадает в тот момент, когда Вюрмзер подводит новую австрийскую армию, а колеблющаяся Италия готова восстать в случае поражения французов. Опасность велика, но Бонапарт совершает одно чудо за другим. Вюрмзер вынужден обороняться в Мантуе. Пришедший ему на помощь Альвинци тоже разбит, и знаменитый переход через Аркольский мост остается запечатленным на прекрасной картине: стройный генерал с героическим лицом потрясает трехцветным знаменем. Тьебо утверждает, что все обстояло менее романтично, но в веках сохранилась легенда.

Жозефина выходила замуж за Кота в сапогах, красовавшегося случайной славой удачливого воина; в Италии она находит властелина. Мио де Мелито, дипломатический представитель Директории в Тоскане, нанесший ему визит в замке Момбелло недалеко от Милана, обнаруживает там самый настоящий двор. Строгий протокол определяет аудиенции и официальные трапезы. Повсюду толпятся французские генералы, итальянская знать, поставщики. А между тем генерал Бонапарт ведет беседы, принимает решения, отдает приказания, в общем царствует, как будто всю жизнь только и делал, что правил государством.

«То, что я сделал здесь, еще пустяк, — говорит он Мио. — Это только начало моей карьеры. Вы думаете, я достиг триумфа в Италии, чтобы возвеличить адвокатов Директории, Карно и Барраса?» Мио заключил, что никогда еще не встречал человека, «столь далекого от республиканских идей и форм».

Директория знает об этих настроениях, не доверяет ему, посылает генерала Кларка понаблюдать за ним и в нужный момент договориться с Австрией. Бонапарт вести переговоры не торопится; это будет означать конец его фактически самодержавного правления в Италии. И потом, он убежден, что парижские идеологи ничего не смыслят в итальянских делах и руководствуются революционными принципами. Он тоже некогда был якобинцем. И снова готов им стать, если потребуют обстоятельства. Но пока Италия есть Италия; здесь сильно духовенство и надо считаться с папой. Впрочем, и французская армия есть французская армия, и замешена она на санкюлотизме. И с ней тоже надо считаться. Он мало придает значения доктринам и выбирает себе роль реального примирителя.

В январе 1797-го Альвинци разбит при Риволи, Вюрмзер капитулирует. Означает ли это полную победу? Пока нет. В Австрии остался один сильный генерал: эрцгерцог Карл. Но

выдержать натиск Бонапарта ему тоже не под силу. Он отступает, оставляя открытой дорогу на Вену. Если бы французские войска, стоявшие на Рейне, пошли в наступление, была бы возможна австрийская кампания. Но рейнская армия не двинулась с места. В Италии тыл ненадежен. Пришло время поставить точку. В апреле Бонапарт подписывает в Леобене предварительные мирные соглашения. Зачем ему мир, если славу и могущество приносит война? Потому что во Франции готовятся выборы, и они непременно приведут к власти тех самых правых, которых он разгромил на ступенях церкви Святого Роха, а правые хотят мира. Дав его, он примирится с ними, а между тем громкие победы обеспечат ему поддержку патриотически настроенных левых. Молодой генерал уже рассуждает как хитрый и опытный политик.

Леобенские соглашения — это еще не окончательный мир. Нужно ли его заключать? «Я бы хотел покинуть Итальянскую армию только в том случае, если смогу играть во Франции примерно такую же роль, как здесь, а такой момент еще не настал»… Такую же роль? То есть полностью взять в свои руки бразды правления, — а Директория надеется ему в этом помешать. Бонапарт выжидает, куда склонится чаша весов во Франции. Если роялисты победят, ему, может быть, придется вмешаться, ибо перспектива реставрации монархии ему вовсе не улыбается. И когда правые в самом деле побеждают, он посылает Ожеро на помощь трем левым членам Директории. Грубый, не очень умный Ожеро за несколько часов расправляется с новым реакционным большинством. 18 фрюктидора произошел насильственный переворот, сопровождавшийся арестами и ссылками. Бонапарт благоразумно воздержался от прямого участия в событиях; шлейф непопулярности остался за Ожеро. Позже, когда «момент настанет», это поможет Наполеону получить единодушную поддержку избирателей.

А пока Бонапарт ведет переговоры, не считаясь с мнением Директории, которая, закусив удила после фрюктидора, хочет теперь установить в Вене республику. Враждебно относясь к этим безумным идеям, он находит общий язык с министром иностранных дел Талейраном, тоже обладающим чувством возможного. Кампоформийский мирный договор, продиктованный Бонапартом, будет вполне разумным. Австрийский император отказывается от Бельгии; решение вопроса о левом береге Рейна откладывается. Франция получит его при условии согласия германских государств. Все было бы просто замечательно, если бы этот мир подписала Англия. Но не тут-то было. Англия принципиально против любой слишком сильной державы на континенте.

Пойдет ли Бонапарт, окрыленный этим победоносным миром, на то, чтобы свергнуть Директорию, опираясь на свою армию? Он чувствует, что это было бы крайне неосторожно. Армия остается республиканской; он не уверен, что она его поддержит. Плод еще не созрел. Члены Директории боятся Бонапарта и думают, как бы использовать его в другом месте. Ему можно поручить командование захватнической армией в Англии. Только такой армии не существует. Обременительного победителя посылают на конгресс в Раштатт, где ему поручено убедить представителей Германской империи покинуть левый берег Рейна. Затем, видя, что миссия выполнена успешно, его призывают в Париж.

Он не был в столице двадцать один месяц. И за двадцать один месяц никому не известный человек превратился в национального героя. Понемногу он начинает пристраивать родственников. Жозеф теперь комиссар Республики в Парме; Люсьен военный комиссар; Луи был адьютантом брата в Италии. Г-жа Летиция живет с дочерьми в Париже. Злые языки утверждают, что Наполеону повезло. Но он не верит в везение; он верит в свою звезду, а это совсем другое дело. А звезда это и умение использовать обстоятельства, и один из признаков гениальности.

Герой в резерве

В данный момент он хочет для всех остаться загадкой; Париж принял его слишком хорошо. Улица Шантерен, где находится его дом, переименована в улицу Победы. Он знает, что такая популярность вызывает беспокойство членов Директории. И ведет себя подчеркнуто скромно и смиренно. Вместо того чтобы щеголять в мундире, он охотно появляется в штатском. Избранный членом Института (научное отделение), он облачается на церемониях в академическое платье. В Италии он сблизился с Монжем, математиком, создателем начертательной геометрии. В Париже он окружает себя учеными, среди них Лаплас, Бертолле. Для него, всегда интересовавшегося всем, общение с этими специалистами необычайно ценно, а на правительство Директории действует успокаивающе. Заговоры рождаются не среди ученых. Он решительно отстраняется от власти; ничего не просит; старается себя не компрометировать. Он знает, что сила его в положении героя в резерве, вне партий и над партиями. Впрочем, ему это дается легко; роялизм, якобинство — он всех этих французских страстей не разделяет, он знает, что любая политическая инициатива с его стороны будет преждевременной.

Однако надо что-то делать. «В Париже забываешь обо всем; если я останусь без дела, я пропал». Директория тоже склонна чем-нибудь его занять; правительство считает его славу «неуместной». Он ведь получил назначение главнокомандующим Английской армией. Так почему же он еще не в Англии? Потому что проект кажется ему химерическим. Франция не располагает достаточно сильным флотом, чтобы прикрыть продвижение армии, которая сама пока — всего лишь мечта. Гош потратил целый год на подготовку ирландской экспедиции, и в результате она не состоялась; Бонапарт за три недели уничтожил английский проект. Так что же тогда? Директория приняла к рассмотрению несколько планов, как атаковать англичан на другом фронте. Нельзя ли, например, завладев Египтом и добравшись до Персии, отрезать им путь в Индию? Это давняя мечта французской дипломатии; ее вынашивал Шуазель, потом Талейран. Да и Бонапарту давно не давали покоя мечты о Востоке. Он делился ими с Жюно еще в те злополучные времена, когда, неприкаянные и никому не нужные, они бродили по парижским мостовым. Разве не думал он тогда завербоваться в турецкую армию? Так куда лучше завоевать Восток во главе французской армии!

Предприятие это было непростым. Флот Нельсона

главенствовал в Средиземном море, а в Египет надо было переправить по меньшей мере сорок тысяч человек. Как? Однако Директория прислушивалась к этим фантастическим планам. Чтобы удалить слишком популярного генерала? Одной этой причины было бы недостаточно. Генерал, в общем-то, вел себя спокойно, да и недовольство во Франции особых опасений уже не вызывало. Но ведь Революция свершила столько всего необычайного, завоевала столько стран, победила столько армий, что могла позволить себе самые грандиозные иллюзии. Сам Бонапарт верил в этот химерический проект и говорил с Монжем о том, каких гигантских успехов мог бы добиться такой человек, как он, там, на Востоке, с его богатством и историей. Генерал и министры пришли к согласию: именно в Египте надо вынудить Англию смириться с новой Европой.

Но нужно было высадиться в Египте, а адмирал Брюэс не скрывал, что если французский флот, отягощенный конвоем, встретится с Нельсоном, он, без сомнения, будет уничтожен. Риск был колоссальный; Бонапарт пошел на него. Этот человек, часто проявлявший осторожность и благоразумие, верил, что его планида требует предпринять определенные шаги. 19 мая 1798 года он вышел в море на корабле «Ориен». В те времена способы обнаружения неприятельского флота были крайне несовершенны. Брюэс не знал, где находится Нельсон; Нельсону было неизвестно о планах Брюэса. По дороге он захватил Мальту, потом взял курс на Александрию. На борту корабля Бонапарт беседовал с учеными о химии и о религии, слушал музыку и смотрел в море, выглядывая Нельсона. Англичанин прошел мимо французского флота ночью на расстоянии четырех или пяти миль и, не заметив, отправился подстерегать его в Сирии. А встреть он его, Наполеон вместе со своей армией, своей звездой и пятнадцатью годами истории пошел бы ко дну.

Высадка прошла успешно. Мамелюки — господствовавшая в стране турецко-египетская милиция — были повержены, и Наполеон, как и в Италии, занялся организацией. Он привез с собой юристов, администраторов, натуралистов, художников — в общем, всех, кто мог обеспечить основы цивилизации, и основал ее. Он создал современный Египет, постаравшись придать ему французский колорит при полном уважении к исламу. Было бы надо, он бы сам сделался мусульманином. Оставаясь в душе католиком, он относился к религии не с большим фанатизмом, чем к политике. Он велит соблюдать мусульманские праздники; обращается к пашам в стиле, который сам считает восточным. «Он разыгрывает сам перед собой отрывки из репертуара, где г-н Журден соседствует с «Задигом» и «Персидскими письмами»

(Максимилиан Вокс). Для мамелюков он Бунабердис Бей. Все это могло стать жалким маскарадом. «Сорок веков», глядящие на солдат с высоты пирамид, напоминают нам г-на Перришона. Все спасает его чувство величия и поразительная практичность начинаний. «Египет в его карьере — это «Атала» в карьере Шатобриана» (Бенвиль). Верно, причем Шатобриан был бы неполон без «Атала».

1 августа Нельсон обнаружил наконец флот Брюэса на рейде Абукира и уничтожил его. Сам Брюэс погиб на «Ориене», корабле, привезшем Бонапарта. Непоправимая катастрофа. Англия становится абсолютной владычицей морей; армия отрезана от Франции. Странно, но Бонапарт, кажется, даже не напуган этим. Если придется остаться в Египте, значит, он останется в Египте и будет здесь царствовать, как недавно в Италии. Армия обеспечит себя в этой стране всем необходимым. Разве у него нет при себе ученых? На следующий день после Абукира он закладывает Египетский Институт. Бурьену он говорит: «Сколько времени мы проведем в Египте? Несколько месяцев или шесть лет… Нам всего двадцать девять; а будет тридцать пять. Если все пойдет хорошо, мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии».

Он то и дело в роли — играет то Пирра, то Пикрохола[1]. Он вынашивает один план за другим. Турки наступают в Сирии, чтобы изгнать его из Египта? Отлично! Он выступит им навстречу, поднимет христиан в Ливане, пойдет на Константинополь, а оттуда — на Вену и возьмет Европу с тыла или же отправится на завоевание Индии. Все это слишком глобально, чтобы иметь реальные шансы на успех. Он побеждает турок, но остановлен на подступах к Сен-Жан-д'Акру, который защищают его бывший товарищ по Бриеннскому училищу эмигрант Фелиппо и англичанин Сидней Смит. Укрепления надежны, а у Бонапарта нет тяжелой артиллерии. Одолеваемый бешенством, он в ходе этой кампании действует жестоко. В Италии он вел себя весьма гуманно (хотя и там он без зазрения совести проводил расстрелы из соображений безопасности), здесь же, возвращаясь из-под Сен-Жан-д'Акра, он велит поджечь урожай и убивает пленных, которых не может увезти с собой. Вспомним, он хвалил Лувуа за поджог Палатината. «Государственный деятель не имеет права быть сентиментальным».

В довершение всего муж, как никогда, страдает от ревности. Он больше не может сомневаться в неверности Жозефины, равно как и в том, что весь мир осведомлен о его несчастье. Англичане перехватили его смешные письма и опубликовали их, например письмо Наполеона к брату Жозефу (немало грешащее против орфографии): «У меня много домашних огорчений, ибо пелена

полностью спала. Один ты у меня остался на земле, и дружба твоя мне премного дорога. Чтобы возненавидеть человечество, мне осталось только потерять тебя, пережить твою измену». Он просит Жозефа подыскать ему по возвращении какую-нибудь деревню, где он мог бы себя похоронить, так как род людской ему наскучил. «Я нуждаюсь в одиночестве и уединении, величие наводит на меня тоску, чувства иссохли, слава приелась, в 29 лет я исчерпал все». Оссиан и Вертер перемежаются в нем с Цезарем и Макиавелли.

В июле 1799 года ему надоедает восточная мечта. Великие надежды рухнули. Ему удалось сделать несколько благородных жестов (посещение больных чумой в Яффе), украсивших его легенду; он правил, созидал, но не на уровне своего ума и своих амбиций. Ему нужна Франция. Но о ней он знает мало. Все письма перехватываются англичанами, а до него доходят лишь газетные листки, отобранные неприятелем. Новости, которые он получает, кажутся очень плохими. Италия потеряна; враг наступает на Рейне; есть угроза вторжения. Наверняка он нужен. Вообще-то, Директория отзывала его, но он приказа не получил. Вернуться он решает, прислушиваясь к интуиции. Но тут возникают проблемы: решение покинуть армию будет непопулярным среди солдат; и сможет ли Клебер, которому он доверит командование, удержать Египет? Да и сумеет ли сам Бонапарт проскочить мимо английских судов, патрулирующих Средиземное море? Ну и что? Он уже столько раз испытывал судьбу, идя на трезво просчитанный риск. И снова фрегату удается пройти. Вот он уже на рейде в Аяччо, который видит в последний раз (октябрь 1799-го). Там он узнает, что Массена и Брюн своими победами над русскими, англичанами и голландцами предотвратили опасность вторжения. Потребность в спасителе перестала быть насущной необходимостью. Сопутствует ли ему еще удача? Очень скоро Судьба ответит «да».

Снова подняв паруса, он пристает во Фрежюсе, где поражен теплотой народного приема. Брат Жозеф, выехавший навстречу, вводит его в курс дела. Большая часть страны по-прежнему относится к Директории враждебно. Никто уже не верит в этот режим; если кто и поддерживает его, то из соображений выгоды. Молодая республика, по словам Тэна, страдает «старческим истощением. Никто не предпринимает усилий, чтобы ее свергнуть, но она, похоже, не имеет больше сил держаться на ногах». Аббат Сиейес, недавно вернувшийся из Берлина, избран членом Директории, и теперь, когда доверие к Баррасу подорвано, на нем держится все здание. Сиейес, считавшийся большим специалистом по конституциям, возникает в последнем

акте национальной трагедии как deus ex machina, божество, обеспечивающее развязку. Аббат ясно видит, что опереться можно только на армию. «Мне нужна шпага, — шепчет Сиейес, — кто возьмет ее в свои руки?» Гош и Жубер погибли. Остается Бонапарт, не столь надежный, не столь чистосердечный, но зато более блестящий.

Пока генерал едет в Париж, все на его пути свидетельствует, что Франция желает нового вождя. Зачем? Этого она сама хорошенько не знает. Большинство не хочет ни возврата террора, ни реставрации Бурбонов. Из этого Сиейес заключает, что необходимо усиление исполнительной власти, а поскольку Республика одновременно ведет войну, то желательно, чтобы лидер был военным. Сиейес не доверяет Бонапарту, но выбора у него нет. Ни один другой генерал не обладает таким умом, такой объективностью и такой популярностью. Разумеется, правительство не может одобрять, что он без приказа покинул свою армию, но Директория не осмеливается открыто осуждать его. Жозефина по-прежнему в прекрасных отношениях с Баррасом и с властью. И генерал, сначала не пожелавший видеть изменницу, все-таки примиряется с женой, то ли под влиянием неодолимого наплыва чувств, то ли из расчета — чтобы обеспечить себе поддержку ловкой и хорошо осведомленной супруги. С момента возвращения в Париж, не желая компрометировать себя и брать чью-то сторону, он не допускает ни одной ошибки. Сиейес, Фуше и Талейран, «трио священников», согласны в том, что государственный переворот необходим. Чтобы он прошел успешно, им нужен Бонапарт, которого, исходя из государственных интересов, следовало бы расстрелять за самовольный уход с поста. Но государственные интересы — вещь послушная, их можно и подмять.

После первых разговоров с Жозефом генерал решил, что разыграть партию будет не трудно. Но это было не так. Три члена Директории из пяти (Гойе, Мулен, Баррас) своего согласия не дают. Только Сиейес и Роже Дюко знают о проекте и одобряют его. Якобинцы из Совета будут резко враждебны. Да и армия ненадежна; она остается республиканской, революционной и вполне может отказаться участвовать в насильственном перевороте. Бонапарт предпочел бы прийти к власти не при помощи штыков. Если дело можно было бы провернуть легально, он бы увереннее смотрел в будущее. Так что аббат ищет саблю, а воин ищет добродетели или по крайней мере ее видимости. Правда, Люсьен Бонапарт, председатель Совета Пятисот, может помочь, и в Совете Старейшин у Сиейеса есть могущественные сообщники; правда и то, что Баррас, скомпрометированный по

всем статьям, не опасен, а Гойе, влюбленный в Жозефину, питает сладкие иллюзии, которые хитрая креолка всячески поддерживает. Как бы то ни было, действовать надо быстро; иначе о плане, и так уже известном слишком многим, поползут слухи.

Сиейес, как того хотел Бонапарт, попытался провести операцию легальным путем. Никто лучше его не умел соблюдать закон, нарушая его. Вот каков был план. Рано утром 18 брюмера будет созван Совет Старейшин, а оппозицию созвать забудут. Старейшины, узнав, что Совету грозит опасный заговор, примут решение о переводе Пятисот в Сен-Клу, под охрану вооруженных подразделений, которыми командует Бонапарт. Там им будет предложена новая конституция, которую Совет, отрезанный от Парижа и окруженный солдатами, будет вынужден принять. И тогда власть перейдет к трем консулам: Бонапарту, Сиейесу и Роже Дюко.

Первая фаза операции прошла по плану, хотя Бонапарт в Совете Старейшин говорил слишком много и весьма плохо. В Совете Пятисот Люсьен, зачитав декрет, закрыл заседание. «Объяснимся завтра в Сен-Клу», — сказал он. Естественно, многие представители заволновались. Они догадывались о последствиях, столь для них опасных. Сиейес предпочел бы арестовать настроенных особенно враждебно. Бонапарт этому воспротивился. Он думал, что если операция будет выглядеть как насильственный переворот, любой другой генерал сможет вскоре повторить его и свергнуть абсолютно незаконное правительство. Однако 19 брюмера в Сен-Клу силу все-таки пришлось применить, так как страсти накалились. С самого начала заседания Совета Пятисот раздались яростные протесты якобинцев. Почва ушла из-под ног друзей Сиейеса. Бонапарт предыдущие дни провел в окружении коллег по Институту; побывал в салоне г-жи Гельвеций. Он бы хотел, чтобы его выдвижение выглядело как естественный триумф разума. Когда ему доложили, что прения принимают дурной оборот, он решил лично явиться в собрание, надеясь, что само его присутствие подействует на «адвокатов» устрашающе.

У Старейшин его приняли хорошо, хотя сбивчивость оратора подействовала на его сторонников удручающим образом. В Совете Пятисот его с порога встретил взрыв негодования. Якобинская левая кричала: «Вне закона!» Смелый на поле битвы, Бонапарт ненавидел потасовки. Он был неспособен противостоять враждебно настроенному собранию, его толкали, он растерялся, практически потерял сознание. Гренадерам пришлось вынести его из зала. Придя в себя, он вскочил в седло и сказал солдатам, что

его хотели убить. Гренадеры, уважавшие и представителей в форме, и своего генерала, не знали, то ли подчиняться, то ли арестовать его. Спас положение Люсьен. Как председатель Совета Пятисот он имел право прибегнуть к помощи войск против любого депутата, помешавшего ходу заседания. Он воспользовался этим правом. Под барабанный бой Иоахим Мюрат ввел в здание гренадеров и приказал очистить зал. Государственный переворот удался. Собрав нескольких депутатов из числа разбежавшихся по коридорам, Люсьен заставил их принять постановление, по которому на смену ушедшим в отставку директорам назначались три консула: Бонапарт, Сиейес и Роже Дюко. Публика расслышала только одно имя. Легальность нового правительства никем не оспаривалась. Франция не была взята силой — она отдалась сама.

Первый консул

На следующий день Бонапарт пересек Париж в экипаже, направляясь в Люксембургский дворец. Был декадий, день нерабочий, теплый и дождливый. Официальные объявления на стенах возвещали о смене режима. Рабочие предместья не думали подниматься на защиту якобинцев. Город словно расслабился, предался общему веселью. Вечером в театрах все, что могло показаться благожелательным намеком на великое событие, встречали аплодисментами. На улицах факельные шествия сопровождали глашатаев, провозглашавших Консульство. Звучали трубы; били барабаны. Прохожие обнимались с криками: «Долой тиранов! Мир!» Все считали, что непобедимый генерал, вернувшийся к ним с загадочного Востока, восторжествует над Европой без боя. Кондитеры продавали в своих лавках сахарных Бонапартов с надписью: «Франция обязана ему победой; а будет обязана миром».

Массы выражали одобрение. В сущности, они требовали внутри страны сохранения завоеваний Революции, то есть отмены феодальных прав и закрепления собственности на национализированные блага, а во внешней политике естественных границ и мира. Разбогатевшие убийцы короля хотели гарантий безнаказанности, а между тем многие эмигранты стремились вернуться на родину. Удовлетворить все пожелания было нелегко. Нужно было считаться с приобретателями, с собственниками, с якобинцами и даже с Институтом, имевшим моральное влияние. 21 брюмера генерал отправился заседать в Академии наук вместе с собратьями. В Люксембургском дворце он ходил в штатском — носил широкий зеленоватый сюртук, который на нем болтался. Так он принимал своих будущих сподвижников.

Он хотел, чтобы Талейран продолжал возглавлять Министерство иностранных дел, а Фуше — полицию; Кабани, член Института и модный в XVIII веке философ, должен был стать министром внутренних дел. Генерал подкупал их своим умом, непринужденностью общения с легкой долей превосходства, горячим стремлением учиться. Поскольку беседу направлял он и в основном задавал вопросы, его пробелов не замечали. «Никто еще не изобразил, — писал Моле, — как Бонапарт овладевает всем, не успев ничего узнать, и обучается всему, по мере того как всем управляет… Кто описал этот первый стремительный бег гения в неизвестное и новое?»

Что он собирался делать? Вести свой корабль вперед, чутко

улавливая направление ветра и подводных течений. «Революция, — говорил он, — должна научить ничего не планировать». Он «жил нынешним днем». И это обеспечивало ему успех. Франция была тяжело больна; после пяти лет лихорадки она впала в прострацию. Надо было перевязать ее раны и править наугад. В конце брюмера 1799 года Бонапарт еще не казался первым лицом в государстве. Сиейес, великий жрец Революции, работал, оставаясь в тени, над своим главным детищем конституцией. В глубине души он хотел упразднить представительные органы, недостатки которых уже имел случай ощутить. Не смея сделать это открыто, он заменял выборы учреждением списков представителей, одобренных народом, из которых потом выбирались члены советов. На вершине пирамиды стоял пожизненный Великий Избиратель, которому надлежало жить в Версальском дворце, назначать двух консулов и быть единственным представителем национальной державы.

«Власть должна исходить сверху, доверие — снизу». Законодательный корпус принимал законы; Трибунат их обсуждал; консервативный Сенат действовал как верховный орган, наблюдающий за соблюдением конституции. Обсуждение велось в одном собрании, голосование — в другом. Так что для пресечения обсуждения достаточно было распустить Трибунат. Никогда еще конституция не была более антидемократической. Сиейес предложил пост Великого Избирателя Бонапарту, но тот отказался, предпочитая остаться не у дел, чем стать «боровом, поставленным на откорм, или праздным королем». Тогда Сиейес создает должность Первого Консула, главы исполнительной власти, которым, естественно, становится Бонапарт. Сиейес и Роже Дюко сошли со сцены; Бонапарт, чьей любимой идеей было достижение «сплочения», то есть единения французов, выбрал себе в помощники двух умеренных политиков: Камбасереса, бывшего председателя Комитета общественного спасения, и Лебрена, человека Старого Режима. Ярлыки разные, но суть одна — секрет единения.

Эта консульская республика, где один человек, избранный на десять лет, управляет страной, назначает и отзывает должностных лиц, судей, офицеров, была фактически «личной монархией». Только ее принципы и главное действующее лицо были утверждены с одобрения народа. В феврале 1800 года состоялся плебисцит. Из трех миллионов голосовавших против высказались только 1500. Правда, голосование было открытым. Но и при тайном голосовании результаты были бы примерно такими же. Французы с радостью вверили свою судьбу человеку, вызывавшему у них восхищение. Они жаждали гражданского

мира. Что же касается бывшей революционной элиты, то она считала, что рычаги управления остались в ее руках. Просто во Франции сменилась аристократия, вот и все, думали они. Для масс же конституция сводилась к одному слову — Бонапарт.

А он? Что ж, он наслаждался властью, как человек, чувствующий, что создан для ее осуществления. Это опьянение уже было немного знакомо ему по Италии и Египту. Но истинное вожделение вызывала у него Франция. Она отдавалась более доверчиво и самозабвенно. Здесь все надо было переделывать. Консулы, вступая в должность, заявили: «Граждане, Революция закрепила принципы, ради которых была начата; теперь она закончена». Еще предстояло усмирить Вандею, примирить партии, дать вернуться эмигрантам, в общем, «изгнать страх». Чтобы простить и забыть прошлое, Бонапарт требует только одного — верности национальному правительству. Он не хочет знать, что делали граждане вчера; он говорит им: «Хотите ли вы быть хорошими французами со мной сегодня и завтра? Если они ответят «да», я покажу им дорогу чести».

Прежде всего ему предстояло упорядочить финансы, так как вечером 19 брюмера в казне у Директории не было уже ни единого франка. Здесь проявился необычайный талант Бонапарта-администратора. В Государственный Совет, ставший в его руках мощным рабочим инструментом, он призвал видных людей, не обращая внимания на их политические взгляды. Идеологам он предпочитает людей с практическим умом и большой работоспособностью. «На ученых и остроумцев я смотрю как на кокеток; с ними приятно видеться, беседовать, но не надо брать одних — в жены, других — в министры». Он мудро консультируется со специалистами по финансам, создает по их совету Французский банк и стабилизирует валюту. И сразу же завоевывает признательность французов народа бережливого, привыкшего держать деньги в чулке. За прессой же он следит очень пристально; газеты не должны «стать инструментом в руках врагов Республики». Он оставляет всего тринадцать газет, которые будут немедленно закрыты, если опубликуют «статьи, направленные против социального согласия, народного суверенитета и славы оружия». Официальный орган «Монитер» берется информировать общественность на свой лад.

Вскоре этот зарождающийся деспотизм усиливается полной централизацией администрации. Префекты (слово, взятое, как и «консул», из римской истории), супрефекты, мэры — все назначались правительством. Париж был на особом положении и находился под надзором префекта полиции. Опасность столь сильной и бесконтрольной власти сказалась намного позже. В

1800 году умеренность тирана смягчала проявления тирании. У Бонапарта все было рассчитано. Если в начале консульского правления он обосновался в Тюильри, то этим он желал продемонстрировать преемственность власти и дать понять роялистам, что не станет временным исполнителем власти в угоду Бурбонам. Ему нравится занимать королевские апартаменты, но чувство юмора ему не изменяет. «Ну что, креолочка, — говорит он Жозефине, — вы спите на кровати своих хозяев». Или своему секретарю Бурьену: «Бурьен, оказаться в Тюильри — это еще не все, надо здесь остаться». Матери, упрекающей его, что он слишком много работает, он отвечает корсиканским выражением: «Я что, сын белой курицы?» А восклицание государственного советника Редерера «Это так скучно, генерал», впервые увидевшего его в Тюильри среди старых и мрачных шпалер, он парировал словами: «Да, как величие». В этом было что-то от философа — и от поэта.

Он лучше, чем кто-либо, знает, насколько взлет его карьеры сродни чуду и подвержен превратностям случая. Чтобы удержаться, надо нравиться французам. «Моя политика — править людьми так, как большинство хочет, чтобы ими правили. Именно таким образом, на мой взгляд, признается верховная власть народа». Он мог бы сделаться католиком в Вандее, как готов был стать мусульманином в Египте. Как понравиться французам? Они, как он думает, предпочитают славу свободе. Надо только сохранить слово Республика и соблюдать видимость Революции. А потому он велит называть себя «гражданин консул». В дворце Тюильри рядом со статуями Александра и Цезаря он ставит Брута и Вашингтона. Талейран помогает ему вновь приобщить к делу некоторых выдающихся деятелей Старого Режима. «Только эти люди и умеют служить», — говорит он. Одновременно он продолжает видеться с коллегами по Институту, в ту пору очень левыми, почти идеологами. «Я не принадлежу ни к каким группировкам; моя большая группировка — это французы. Никаких заговорщицких кружков. Их я не хочу и не потерплю». После десяти лет доносительства, борьбы, неуверенности, тревоги это была единственная политика, имевшая шансы на успех.

Однако прежде всего страна ждала от Первого Консула внешнего мира. Он обещал его: «Пока я жив, во Франции будет мир. Через два года после моей смерти она будет воевать со всем миром». Но напрасно писал он примирительные письма английскому королю и германскому императору. Монархи не отвечали «узурпатору». Австрия отказывалась уступить Италию; Питт не признавал осуществленных Францией аннексий.

Приходилось смириться с перспективой «последней войны». Бонапарт пошел на это скрепя сердце. Одного поражения хватило бы, чтобы подкосить столь молодой режим; одна победа, одержанная каким-нибудь Моро или Дезе, могла породить соперника. Так что из внутриполитических соображений он искренне желал мира. Но если в мире ему отказывали, надо было его добиться.

Весной 1800 года Австрия возобновила военные действия. Массена был осажден в Генуе. Бонапарт счел такую политику неприятеля неразумной. Даже если австрийцы взяли бы Геную, куда бы это их привело? На Юг Франции? Но не там сердце страны. Он сформировал армию в окрестностях Дижона. По конституции он не имел права командовать ею сам. Это осложнение он обошел, официально назначив командующим Бертье. Поручив управление страной Камбасересу, он преодолел перевал Гран-Сен-Бернар. Хороший повод для пропаганды. «Мы боремся со льдами, снегами, бурями и лавинами… Мы обрушимся здесь, как молния». Затем, вместо того чтобы направиться в Геную, он пошел на Милан. Там он допустил ошибку, разделив армию на три корпуса. Его войска были отброшены старым австрийцем Меласом, чуть было не победившим его при Маренго. В полдень битва была проиграна; ее спас приход Дезе; после гибели Дезе слава досталась Первому Консулу. Он и в самом деле родился под счастливой звездой. Отступление Меласа отдавало в его распоряжение Ломбардию. Верный своей политике сплочения, он отстоял торжественный молебен в Миланском соборе.

Во время его отсутствия в Париже завязались интриги. Недовольные брюмерианцы подогревали Сиейеса. Баррас заигрывал с роялистами. Некоторые полагали, что, если Бонапарт будет убит в Италии, надо призвать Карно или Бернадота. Известие о Маренго рассеяло зловещие стаи воронов. Они благоразумно потянулись к Жозефине, окрещенной Покровительницей Побед. Консолидированные ценные бумаги поднялись с 29 до 37. Возвращение в Париж было триумфальным. «Господь Бог нас сохранил», — кричали женщины предместий. Победа Моро в Гогенлиндене, хотя и имела кардинальное значение, не произвела такого шума. У Фортуны свои любимцы. Хайд де Ньювил говорит, что Маренго было «крещением личной мощи Бонапарта». Но победитель испытывал чувство разочарования. Нескольких недель отсутствия и сомнения хватило, чтобы его предали министры, консулы, даже братья. Его презрение к человеческой природе, и без того немалое, возросло. «Я очень стар сердцем», — говорил он. Ему шел тридцать второй

год.

А между тем начало Консульства было, как в свое время восшествие на престол Генриха IV, золотым веком в истории Франции. Единство и процветание все возрождалось. В глазах всех Бонапарт становился посланцем Провидения. Естественно, он стремился, чтобы национальное примирение шло ему на пользу. Кто еще мог сказать убийцам короля: «Вы сохраните головы и посты, но забудете о ненависти; вы позволите католикам мирно совершать свои религиозные обряды»; бывшим изгнанникам: «Вы вернетесь; список эмигрантов будет уничтожен; вы получите своих священников, но откажетесь от мести». Сохранить принципы Революции, возобновив при этом связь с прошлым, — задача сверхчеловеческая. Достойная сверхчеловека. И он действительно был сверхчеловеком, стоящим над страстями, которых не разделял.

Молебен, отслуженный в Милане, точно попал в строго определенную цель: отобрать у Бурбонов симпатии католиков. Кроме того, он питал слабость к католическим церемониям и с волнением вспоминал звон колоколов своего детства. Был ли он верующим? Нет. Он был деистом наподобие Вольтера. «Как воздействовать на нравы? Есть только один способ — восстановить религию… Как достичь порядка в государстве без религии? Общество не может существовать без имущественного неравенства, а имущественное неравенство не может существовать без религии… Нужно, чтобы в этом мире были богатые и бедные, зато в вечности все распределится иначе». Политическая религия. В далеком будущем он намерен подписать Конкордат с папой и восстановить во Франции религию. Но этой идее надо дать созреть; она не по нраву окружающим его бывшим революционерам, а главное — армии. В этой области тоже надо «жить нынешним днем».

Приободренный такой умеренностью, Людовик XVIII стал надеяться, что Бонапарт готовит возвращение монархии. Это была иллюзия. На примирительное письмо претендента на трон Консул ответил: «Вы не должны желать своего возвращения во Францию; вам придется пройти по ста тысячам трупов». Разочарованные роялисты решили его убить. Шуанство приучило их к терроризму. Последовали пистолетные выстрелы и адские машины. Бонапарт с его стремлением к сплочению, не без влияния Жозефины, которая мечтала о герцогском титуле, сначала не хотел верить в коварство роялистов. Он обвинил бывших сподвижников Робеспьера и выслал 150 человек. Потом Фуше нашел истинных виновных — шуанов; но высланные республиканцы так никогда и не вернулись. «Наполеон боялся якобинцев, — говорит

Стендаль. — Они единственные, кого он когда-либо ненавидел».

В его окружении многие волновались из-за повторявшихся покушений. «Причина очевидна, — говорили они. — Государство воплощено в одном человеке. Противники режима думают, что достаточно устранить главу, чтобы свергнуть режим. Нужно назначить преемника». Бонапарту эта идея не нравилась. «Здесь речь только о моей смерти». Да и какой преемник? Сына у него не было, и Жозефина не могла его ему дать. Братья? Жозеф хитер, Люсьен жесток, Луи слаб, да и потом, почему Бонапарты? Они что, могли сослаться на «отца своего, короля»? Смешно. Усыновить Евгения Богарне, которого он любил, как сына? Назначить наследником брата Луи, которого он женил (против воли обоих) на Гортензии Богарне? Такое решение, приятное Жозефине, не имело бы никакого национального значения. Он предпочел положиться на свою звезду и неловкость убийц.

Настоящей опасностью для него была бы проигранная битва или заговор генералов. Слишком удачливому солдату следует больше опасаться военных, чем какого-нибудь гражданского лидера. Каждый генерал-победитель говорит себе: «А почему не я?» Поэтому Первый Консул старательно дает понять своим генералам, что может сокрушить их в один момент. Он резок с ними, даже груб. Генерал Дюма, впавший в немилость, умирает от горя. Зато Бонапарт заручается любовью армии. Он обходит бивуаки, треплет за ухо храбрецов, носит простой серый сюртук и маленькую черную шляпу. Привязанность солдат надолго оградит его от предательства командиров.

Но прежде всего, чтобы укрепить власть, ему нужен мир. При Маренго он успел оценить, какими опасностями чревато поле брани. В 1801 году он подписывает Люневильский мир с Австрией, чрезвычайно выгодный для Франции, которая сохраняет Бельгию, левый берег Рейна, да еще и выстраивает заграждение из дружественных республик: Батавской, Гельвецкой, Цизальпинской и Лигурийской. На Рейне создаются четыре новых департамента. Остается только добиться признания этого договора Англией. Бельгийским делегатам Первый Консул говорит: «Бельгийцы такие же французы, как нормандцы, эльзасцы, лангедокцы, бургундцы». Питт придерживается иного мнения, а еще больше он не согласен с тем, что Бонапарт собирается оставить за собой Египет и Мальту. Кроме того, Первый Консул приобретает у Испании Луизиану в Америке, что снова делает актуальной для англичан проблему французских колоний, а также грозит закрыть европейские порты для британских торговых судов. Альянс Бонапарта с царем Павлом I как будто гарантирует успех этих грандиозных начинаний. «Какая

мне разница, — говорит царь, — кто будет королем Франции — Людовик XVIII, Бонапарт или еще кто-нибудь; главное, чтобы он был», — и устанавливает у себя во дворце бюст Первого Консула. Он даже обещает вовлечь Данию, Швецию и Пруссию в лигу «неприсоединившихся держав» для защиты свободы морей.

И вдруг 23 марта 1801 года — неожиданная развязка: убит Павел I. Бонапарт приписывает преступление интригам англичан; он сам 24 декабря чудом избежал засады на улице Сен-Никез, проехав в своей карете на несколько секунд раньше, чем взорвалась «адская машина». «Англичане промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Санкт-Петербурге». Они попали в него и в Египте, где французские войска были вынуждены капитулировать. Между тем, обе страны заинтересованы теперь в ведении переговоров. Английские торговцы обеспокоены отправкой французской экспедиции в Санто-Доминго, а также расходами на войну. Бонапарт в свою очередь знает, что Нельсон в Копенгагене за день сумел рассеять лигу нейтральных держав. Главным козырем по-прежнему оставалась власть над морем. Компромисс был найден. Это был Амьенский договор (1802). Египет переходил к Турции, Мальта — к рыцарям Ордена. Франция сохраняла завоеванные земли в Европе. Но оба правительства пошли на это не без задней мысли. Англичане обещали уйти с Мальты, но делать это не собирались; лондонский парламент одобрял договор, полагаясь на «бдительность Его Величества, чтобы принять необходимые меры, если публичные дела примут более благоприятный оборот». Бонапарт со своей стороны знал, что Англия не смирилась и что ему до конца жизни предстоит защищать Бельгию и Рейн.

Пока же он упивался своим триумфом. Ни при Ришелье, ни при Людовике XIV Франция не была такой большой и на первый взгляд так хорошо защищенной. Французский народ верил, что время войн подошло к концу, что начинается эра вечного мира, свободы торговли и что Бонапарт полубог. Теперь Первый Консул чувствовал себя достаточно сильным, чтобы восстановить во Франции религиозный мир. 8 апреля 1802 года конкордат (подписанный еще в январе 1801-го) был вынесен на голосование, и 18 апреля, в день Пасхи, в соборе Парижской Богоматери состоялась торжественная служба, ознаменовавшая одновременно возврат к миру и восстановление религии. На паперти собора под звон всех колоколов архиепископ и тридцать епископов встретили Первого Консула. Он приехал в карете с ливрейными лакеями, весь в красном, что оттеняло «серистую» бледность его красивого лица. Многие из окружавших его офицеров осуждали этот «монашеский балаган». Генерал Дельма, делясь вечером

своими впечатлениями, сказал: «Там не хватало только тех ста тысяч человек, которые приняли смерть в борьбе за уничтожение всего этого». Но народ на улицах ликовал: «Мы будем петь «Аллилуйю» по воскресеньям!»

После Маренго Сенат продлил на десять лет срок полномочий Первого Консула. Однако, что бы он ни говорил, его мечтой была корона. Как некогда Цезарь, он не любил, когда ему об этом говорили. Лафайет рассердил его, намекнув на то, что папа в один прекрасный день может помазать его миром из Священного Флакона. «Признайтесь, — сказал Лафайет после молебна в соборе, — ведь все это для того, чтобы разбить скляночку?» — «Вам на скляночку наплевать, — ответил Бонапарт, — и мне тоже, но подумайте, ведь нам и изнутри, и снаружи важно заставить папу и всех этих людей выступить против легитимности Бурбонов». Соблазн был велик. Шепот в республиканской армии заставил его задуматься. Он решил получить не наследственное право, но пожизненное консульское правление. Подавляющим большинством голосов (три с половиной миллиона «да» против восьми тысяч «нет») оно было ему предоставлено.

Более уверенный в себе после плебисцита, он изменил конституцию, заставил «рабский Сенат» (Стендаль) предоставить ему право назначать преемника и расширил свои полномочия за счет законодательных органов. Они смирились. Их пугали гренадеры и завораживал гений. Никогда еще Францией не управлял человек, одаренный таким творческим воображением. «С моими префектами, жандармами и священниками я сделаю все, что захочу», — говорил он. Это было почти правдой. Для упорядочения финансов он призвал высокопоставленных чиновников — Годена, Мольена, которые пополняли его образование в этой области и поражались, сколь быстро он все схватывал. Он создал корпус финансовых служащих, в том же виде существующий и по сей день; превратил Французский банк в удачную комбинацию государственного и частного банков; преобразовал систему правосудия и возглавил составление Гражданского кодекса. При обсуждении статей он изумлял комиссию, состоявшую из видных юристов, силой здравого смысла и дальновидностью. Наполеоновский кодекс, принятый в дальнейшем многими странами, несет печать его трезвого, геометрического ума. В то же время он укреплял Университет. Во всех лицеях Франции бой военных барабанов возвещал о начале учебного года. Эту дробь можно было слышать еще в 1900 году в лицеях Третьей Республики.

В 1802 году он учредил национальный орден Почетного

легиона, дав себе тем самым инструмент, напоминавший рыцарские ордена в руках французских королей. Цель — создать аристократию, постоянно обновляемую в соответствии с заслугами, свершениями, выдающимися поступками. «Дешевая приманка», — говорили законодатели. Но дешевые приманки необходимы, чтобы вести за собой людей. Бонапарт полагал необходимым занять граждан мелкими честолюбивыми помыслами, чтобы отвлечь их от больших мятежей. В Тюильри и Мальмезоне шпага и шелковые чулки пришли на смену сапогам и сабле. У Жозефины были фрейлины, из самых настоящих аристократок. Величие Бонапарта ширилось. Он был президентом Цизальпинской республики, протектором Швеции, Германской Конфедерации. Во Франции возрождалась «сладкая жизнь». Общество при Консульстве казалось здоровым, в нем ощущался заряд бодрости. «Гений христианства» пробуждал сентиментальность. Люди лучше питались, много любили. Отчеты префектов оценивали число недовольных в провинции в один процент. Формулировка Первого Консула: «Ни красных каблуков, ни красных колпаков», — казалось, отвечала чаяниям французов.

Но даже самые великие люди действия сталкиваются с неудачами. Факты бывают коварны по-своему. Большая часть экспедиции, посланной в Санто-Доминго под командованием мужа Полины Бонапарт генерала Леклерка и имевшей конечной целью колонизацию Луизианы, погибла от желтой лихорадки. Рошамбо, пришедший на смену покойному Леклерку, вынужден был капитулировать. Тогда Талейран продал Луизиану Соединенным Штатам за пятнадцать миллионов долларов. Это означало окончательный отказ от американских владений. В самом деле, при том, что все шло к новой войне с Англией, защищать от британского флота эту отдаленную колонию было бы невозможно. Англичане подписали Амьенский договор; их торговцы требовали мира; английские аристократы были счастливы вернуться в Париж и найти на Елисейских Полях не окровавленные эшафоты, а обнаженных богинь под дымчатыми покровами. Но оба правительства обвиняли друг друга в недобрых намерениях.

Бонапарт упрекал англичан за подготовку заговора с целью его убийства и за нежелание уйти с Мальты. Англичане упрекали Бонапарта за то, что он аннексировал Вале, обеспечивая себе дорогу в Симплон, что он пытался перетянуть на свою сторону Германию и что на Восток им была отправлена очень подозрительная «торговая» миссия. Если Бонапарт не отказывался от Индии, как могла Англия отказаться от Мальты? Но Первый

Консул не мог оставить там англичан, не потеряв лицо. Он грозил уничтожить Англию на ее же собственном острове. «Англичане хотят войны, — говорит он, — но если они обнажат меч первыми, я буду последним, кто вложит его в ножны». С этого момента он стал готовиться к захвату Англии. Он сформировал большую армию в Булони и приступил к строительству десантного флота. Неужели для него не было ничего невозможного? На острове все это воспринимали весьма флегматично. Няни пугали английских детей «мистером Бонипарти»; карикатуристы изображали голову тирана на вилах: «Ну, малыш Бони, что ты теперь думаешь о Джоне Буле?» (Максимилиан Вокс). Повсюду английский флот патрулировал моря, перехватывал суда, грузы. «Я не говорю, что французы не могут прийти, — ворчал первый лорд Адмиралтейства, — я только говорю, что они не могут прийти морем».

Странная это была война, без боев, но не без преступлений. За убийцами англичанам не надо было далеко ходить. Шуаны, республиканцы, военные — все враги Бонапарта были в их распоряжении. Наиболее мужественные роялисты Жорж Кадудаль и генерал Пишегрю прибыли во Францию на английском корабле. Даже Моро, победитель Гогенлиндена, участвовал в заговоре. «Воздух был напоен кинжалами». Как говорили Бонапарту Талейран и Фуше, Георг, чтобы начать действовать, ждал лишь прибытия во Францию какого-то принца из дома Бурбонов, потому что не хотел приводить к власти Моро. Какого принца? Один из них жил недалеко от французской границы в эрцгерцогстве Баденском — это герцог Энгиенский, Конде, отважный, молодой и красивый. Здесь начинается один из самых неприглядных эпизодов в жизни Бонапарта. Он решил предупредить покушение, схватив и расстреляв герцога Энгиенского.

Яма была вырыта у стен Венсеннского замка еще до всякого суда. Это политическое преступление вызвало возмущение многих французов. Шатобриан, бывший тогда дипломатом, подал в отставку. Первый Консул, оправдываясь, ссылался на пресловутые государственные интересы. От своего поступка он ждал двойного эффекта: устрашить роялистов, стремившихся его убить, и убедить тех, кто сам пролил королевскую кровь, что теперь, когда преступление причислило Бонапарта к их рядам, сделало его «причастным уговору», Империя не будет им враждебна. Получив этот кровавый залог, Сенат спустя несколько дней проголосовал за императорскую корону. Пишегрю покончил с собой в тюрьме; Кадудаль был казнен. «Я пришел, чтобы возвести на трон короля, — сказал он, а возвел императора». Как

говорил о Бонапарте один посол: «Этот парень умеет извлекать выгоду из всего».

Королевская монархия возмутила бы французов; Империя же гражданам, напичканным римской историей, казалась естественным продолжением Консульства, нормальным ходом событий. Удивительно только, что Наполеон очень хотел быть коронованным папой в Соборе Парижской Богоматери. Этот пункт обсуждался в Государственном Совете. Некоторые предлагали Марсово Поле, но это означало «поставить себя в зависимость от погоды». В дождь церемония выглядела бы смешно. Да и потом, «гомон черни… Парижане в Опере и не то видали». Что же касается папы, достаточно было подумать, «какое неудовольствие это вызовет у наших врагов». Осознавая зыбкость нетрадиционного режима, Бонапарт «бросал якоря спасения», дабы обрести твердую почву. Пий VII по прибытии испытал шок: Жозефина, которую предстояло короновать как императрицу, поспешила вовремя предупредить его, что не была обвенчана. Таким образом, в ночь, предшествующую коронации, в Лувре было совершено тайное бракосочетание.

2 декабря 1804 года Наполеон I стал императором французов. В Соборе Парижской Богоматери собралась вся семья. Жозеф благоразумно занял место среди государственных советников. Он боялся покушения и очень хотел спасти потенциального преемника. Наполеон сказал ему: «Ах! Если бы отец нас видел!» Он сохранял чувство юмора и мог оценить путь, пройденный за десять лет этой никому не известной корсиканской семьей.

На протяжении тысячи лет папа римский обладал правом собственноручно возлагать корону на голову императора. Наполеон разрубил этот гордиев узел, взяв корону с алтаря жестом, полным достоинства. После церемонии папа запротестовал и потребовал, чтобы в «Монитере» об этом жесте не упоминалось. Требование было удовлетворено, но император успел заявить о своем превосходстве. В соборе Парижской Богоматери он поклялся на Евангелии охранять свободу, равенство, собственность на приобретенное государственное имущество, территориальную целостность Республики. Присяга запрещала ему уступать Бельгию и рейнские департаменты. Отныне будущее было начертано огненными буквами на стенах собора.

Империя. Триумфальная фаза

«Бросать якоря спасения в пучину морскую…» Пучиной морской было прошлое французского народа. Он стремился добраться до самых глубин. А потому завел у себя двор, церемониал, дворянство. С 1804 года он стал создавать маршалов Империи, позже — дворянство Империи. Появились принцы: Бертье стал принцем де Нёшале; Талейран — принцем де Беневан; и герцоги: Фуше, герцог Отрантский; Даву, герцог Ауэрштадтский, позже принц Экмюльский; Ланн, герцог де Монтебелло; Лебрен, герцог де Плезанс и т. д. За восемь лет он создал четырех принцев, 30 герцогов, 388 графов и 1090 баронов. У Жозефины и принцесс, сестер императора, были фрейлины и камерфрау. Сегюр обучал старым придворным манерам мужчин, г-жа Кампан — женщин. Коронованная Революция старалась изо всех сил связать оборванные нити традиций.

Поразительный успех этой импровизации достоин восхищения. Имперское дворянство пережило императора; орден Почетного легиона в чести по сей день. Под покровительством Наполеона процветал стиль ампир, столь же проникнутый духом его личности, как стиль Людовика XIV — духом личности короля-солнца. Но еще более достойно похвалы, что он так до конца и не поверил в эту волшебную сказку. В нем навсегда сохранилось «что-то от младшего лейтенанта с Корсики, от якобинца и от Макиавелли». Он шутил, как революционер: «Трон — это всего лишь доска, обитая бархатом». И если он обязал своих маршалов являться ко двору во фраке и коротких брюках, то потому лишь, что страшился, из внутриполитических соображений, слишком грубой и бесцеремонной армии. Однако в конечном счете верил он только в силу. «Править можно только шпорами и сапогами». Потому-то он и был единственным человеком, носившим военную форму в дворцовых залах. Короткие брюки и шелковые чулки прививают манеры. Фрак порождает куртизанов.

Женщины, погубившие стольких монархов, имели на него мало влияния. В них не было недостатка, и иные были очень красивы, как, например, мадемуазель Жорж, — ведь стоило ему только пальцем поманить, и они оказывались в его постели. Но пока они раздевались, он изучал донесения; покончив с объятиями (а то и не начав), выпроваживал их вон. Его истинным наслаждением была работа. Он отдавался ей до двадцати часов в сутки и никогда не проявлял признаков усталости.

За длинным подковообразным столом Государственного Совета он был счастлив. Окруженный государственными

деятелями, он знал, как их использовать, чем соблазнить. Он «выжимал соки», вытягивал из каждого все, что хотел узнать. Он обладал быстрым, всесторонним умом, большой трезвостью мышления, не питал никаких иллюзий относительно человеческой природы, но имел две слабости: «У него не было плана», — говорит Стендаль, и это правда. У Наполеона были планы, причем весьма переменчивые. И вторая слабость: слишком богатое воображение, отсутствие чувства меры. Строя отдаленные планы, он слишком увлекается. Мог ли он остановиться? «Делу надо дать первый импульс, — говорит он. — Потом оно увлекает вас за собой».

Он торжествует непосредственно в данный момент — на поле битвы, в своем кабинете и особенно в Государственном Совете. Здесь, понюхивая табак, он импровизирует с наслаждением. Он знает, что говорит легко и хорошо; знает, что люди незаурядные от него в восхищении. Поэтому он расслаблен, прост, прямодушен. Все его речи проникновенны. «Общество нуждается в строгом правосудии; в этом состоит государственная гуманность, иная гуманность оперная…» «Мы хотим иметь хороших крестьян — в этом залог силы армии; нам не нужны парни-цирюльники, привыкшие шататься по городским площадям…» Здесь он позволяет себе противоречить. Так, одного члена Государственного Совета, сказавшего о законодательном корпусе: «Представители нации — это те, кого она выбрала, кому она доверяет», император однажды перебил словами: «Ба! Да это идеи 1789 года». «Нет, сир, это идеи всех времен», — возразил советник. «Особенно располагали к себе его прямота, простодушие, — пишет Стендаль. — Однажды, при обсуждении своих дел с папой римским, император сказал: «Вам легко говорить. Если папа мне скажет: «Сегодня ночью мне явился архангел Гавриил и велел делать то-то и то-то», я обязан поверить».

В своем кабинете ему приятно видеть созданные им самим рабочие инструменты, спроектированный им самим письменный стол, бухгалтерские книги, которые он читает «с тем же упоением, что юная девушка — хороший роман», карты. У него была удивительная способность впитывать информацию и невероятная память. Великолепно вышколенные секретари тоже были для него своего рода инструментами; им надлежало молчать, схватывать на лету то, что он диктует, и потом восстанавливать ход его мысли. Ибо писать он не любил. Во-первых, почерк его было почти невозможно разобрать; а во-вторых, он так и писал с орфографией юного корсиканца из Бриеннского училища. Он по-прежнему говорил «armistice»

(«перемирие») вместо «amnistie» («амнистия»), «rentes voyagres» (искаж. «пассажирская рента») вместо «viagre» («пожизненная»), «enfanterie» (от «enfant» — «ребенок») вместо «infanterie» («пехота»). Но написанное под его диктовку безупречно как по прямоте и ясности изложения, так и по глубине знакомства с предметом. Он может с ходу составить регламент для воспитательных домов Почетного легиона на несколько страниц, потому что давно об этом думал. Ему случается диктовать три письма одновременно. Фактически его ум работает и днем и ночью, питаясь поступающими со всех сторон ответами на его нескончаемые вопросы. «Сколько человек? Сколько снарядов на орудие? Сколько мешков зерна?» И даже по вечерам, в кружке императрицы, — «Сколько детей?» И он все запоминает.

Он наивно рассчитывал, что коронация в соборе Парижской Богоматери будет способствовать его принятию в семью законных монархов. Но это была иллюзия. Австрийская аристократия хотела сбить спесь у выскочки-солдата. Англия прилагала усилия к созданию против него альянсов (третья коалиция, как назовет ее Наполеон, ведет отсчет от 1792 года). Питту не составит труда убедить нового царя — Александра. Священная империя германской нации рушится, говорит Питт Александру; теперь славянская империя должна противостоять империи корсиканской. В 1804 году оформляется коалиция: Англия, Австрия, Россия, Швеция, Неаполь. Ее цель — вернуть Францию к прежним границам. Об этом не говорят открыто, чтобы не раздражать французский народ; просто ссылаются на вызывающие тревогу амбиции императора. Для него же с этого момента есть только одна цель — раздавить Англию, чтобы не быть раздавленным ею.

Некоторые историки утверждают, что Булонский лагерь был создан для отвода глаз. В это трудно поверить. Наполеон ясно видел, что Джон Буль от него не отстанет. Император велел построить 2000 плоскодонных судов. Он считал переправу возможной. «Это ров, который будет преодолен, как только мы отважимся на это пойти». Для успеха предприятия достаточно было выманить на три дня, даже на один день английский флот из Ла-Манша. Тогда он перебросит 130 000 человек, и лондонская чернь встретит французов как освободителей. Это означало плохое знание англичан; а еще это означало плохое знание моря и его капризов. Несколько поездок из Марселя в Аяччо и одно путешествие в Египет не сделали его моряком. Адмиралы реагировали весьма сдержанно. Император сердился. Министру флота Декре он сказал: «Вы наставили всяких «если», «ибо», «но»… Я просто задыхался от возмущения».

Но французские корабли оставались блокированными в Тулоне и Бресте. Командующему франко-испанским флотом Вильневу Наполеон приказал завлечь англичан на Антильские острова, а потом вернуться на всех парусах. Но Вильнев, не встретившись в условленном месте с остальными адмиралами, ретировался в порт Кадиса. Очевидно, он не хотел рисковать единственной большой эскадрой, еще оставшейся у Франции. «Ну и флот!» — негодовал император, беспрестанно понося «подлеца Вильнева». Но ведь Революция оставила ему в наследство не много кораблей и весьма средних моряков. Чтобы замаскировать «грандиозный проект» вторжения в Англию, он помчался в Италию и получил там железную корону ломбардских королей. Евгений Богарне стал вице-королем, так как Жозеф и Луи Бонапарты отказались. Они берегли себя для французской короны — короны «отца своего, короля».

Между тем время шло, близился к концу август, и австрийские войска стали приходить в движение. Если бы Наполеон ждал слишком долго, Россия могла присоединиться к Австрии. 23 августа император пишет Талейрану: «Бегу во весь опор; сворачиваю лагерь; иду на Вену». Он поразил Дарю, продиктовав ему план континентальной войны — по-видимому, плод долгих размышлений. Все в нем было предусмотрено, вплоть до дня вступления в Вену. Кампания быстрая и ослепительная. Великую Армию (а она уже получила это наименование) приводило в восхищение, что благодаря гению главнокомандующего она становилась победоносной, не воюя; она выигрывала битвы «ногами». Австрийский генерал Мак, продвинувшись к Ульму, вдруг обнаруживает, что Наполеон стоит между ним и Веной. И он капитулирует без боя вместе со стотысячной армией. Скоро непобедимость Великой Армии стала предметом веры: «Когда австрийские генералы были в центре, а Наполеон вокруг них, говорили, что австрийцев окружили; когда Наполеон был в центре, а австрийцы вокруг, говорили, что австрийцев обошли».

Но звезда его сияла только там, где командовал он лично. На следующий день после Ульма он узнает, что «подлец Вильнев» под впечатлением от полученных упреков вышел из Кадиса и что оба флота, французский и испанский, уничтожены возле мыса Трафальгар Нельсоном, в той битве погибшим. Император не воспринял катастрофу трагически. «Бури погубили несколько наших кораблей после неосторожно завязанного боя», — продиктовал он. Положение было намного серьезнее; Англия снова, больше, чем когда-либо, была владычицей морей; Наполеон мог поставить ее на колени, только закрыв для нее

континент. Этот вопрос он хотел бы обсудить с царем. Но русские допустили ошибку, атаковав под Аустерлицем, на тщательно изученной Наполеоном территории. «Эта армия в моих руках», — сказал он при первых движениях неприятеля. Он завлек русских на замерзшие озера, а потом разбил лед пушками. Это была блестящая победа, военная и моральная. Она была одержана 2 декабря, в годовщину коронации. Император обратился к армии с одним из своих громких воззваний: «Солдаты, я доволен вами… Вам достаточно будет сказать: «Я участвовал в битве под Аустерлицем», и в ответ вы услышите: «Вот храбрец…» «Патетический стиль, достойный изречений на стенных часах», — скажет Бенвиль. Нет, таков был стиль времени, рассчитанный на то, чтобы нравиться и солдатам, и народу.

Аустерлицкие пушки в пух и прах разнесли коалицию. Царь отправился восвояси; Австрия запросила мира; Англия почувствовала, что ей нанесен удар. «В меня тоже попали под Аустерлицем», — прошептал Питт на смертном одре. Условия мира для Австрии были суровы. От России Наполеон ничего не требует; ему нужна дружба царя. Из рук Австрии он вырывает Германскую империю и Италию. В Германии он основывает Рейнскую Конфедерацию под своим протекторатом, объединившую шестнадцать королей и владетельных принцев. В Италии он прогоняет Бурбонов из Неаполя и сажает там королем своего брата Жозефа, человека мягкого, для управления государством не созданного. Луи Бонапарт, почетный муж Гортензии Богарне, становится королем Голландии; Элиза Баччоки — принцессой Лукки и Пьомбино; Полина Боргезе (вторично вышедшая замуж после смерти Леклерка) — принцессой Гвасталлы; Жером (чей брак по любви с некоей американкой, мисс Паттерсон, император признает недействительным) женится на принцессе Екатерине Вюртембергской; Евгений Богарне делается зятем баварского короля.

Откуда эта монархическая лихорадка? Неужели столь умный человек не видел, как смешно выглядит это корсиканское племя, штурмующее троны Европы? Наполеон не был слеп; он осознает, что ни Жозеф, ни Луи не годятся для такой роли. Но он не может не воспользоваться родственниками, потому что знает силу клана. Ему кажется, что с этими людьми, без него бы оставшимися ничем, он может рассчитывать хоть на какую-то верность, тогда как настоящие принцы предадут его в любой момент. Вернувшись в Париж в январе, после четырех месяцев, посвященных перекройке Европы, он столкнулся с самой настоящей финансовой паникой. Владельцы ценных бумаг

ринулись во Французский банк, чтобы получить денежное возмещение. Распространился слух, что банк разорен Увраром и другими вкладчиками, что было почти правдой. Министр казначейства Барбе-Марбуа предоставил фонды банка для коммерческих спекуляций. Было ли это должностным преступлением или просто глупостью?

Поспешно вернувшись, Наполеон действует резко. Негоцианты должны возместить ущерб, иначе он отправит их в Венсенский замок, а они знают, что это означает. Униженный Барбе-Марбуа подставляет голову. «Что я, по-твоему, должен с ней делать, идиот?» — говорит Наполеон; он вернет свои миллионы и навсегда сохранит ненависть к дельцам. Сын матери, которая из всех капиталовложений признавала только земли, тутовые деревья и овечьи стада, он не любил ни кредиты, ни капиталистов. Жозефу он говорил: «Я очень доволен тем, как идут мои дела здесь; мне стоило немало усилий их уладить и заставить дюжину мошенников во главе с Увраром вернуть награбленное… Я был полон решимости расстрелять их без суда. Слава Богу, мне все возместили; тем не менее это вывело меня из себя. Я говорю это, чтобы вы увидели, как подлы люди». Глава правительства должен обладать изрядным запасом доброты, чтобы не возненавидеть род людской.

После столь блестящих побед он надеялся на длительный мир, тем более что на смену Питту пришел Фокс. Но в Англии противостоящие друг другу партии часто сходятся во внешней политике. Друг французских либералов и особенно Лафайета, Фокс не мог любить Наполеона. Впрочем, на сей раз военные действия были возобновлены Пруссией. Предлогом был Ганновер, который Наполеон обещал одновременно англичанам и прусскому королю. Истинная же причина заключалась в том, что ни пруссаки, ни австрийцы, ни русские не приняли до конца навязанные силой договоры. Переформировав свои армии, они хотели покончить с авантюристом. Прусский король Фридрих-Вильгельм направил Франции ультиматум, срок которого истекал 8 октября. Наполеон Бертье: «Нас вызвали на поединок чести 8 октября; никогда ни один француз от этого не уклонялся». Это была веселая кампания, бодро продвигавшаяся вперед под барабанный бой. Насколько в Париже император задыхался среди интриг и мошенничества, настолько на коне, в окружении армии, чувствовал себя непринужденно и уверенно. Императрице Жозефине: «Дела идут прекрасно… С Божьей помощью за несколько дней все это, на мой взгляд, примет ужасающий оборот для бедного короля Пруссии. Мне жаль его лично, ведь он хороший человек». 1806 год был его annus mirabilis.

Молниеносная операция не уступала Аустерлицу. Обманный маневр, атака с фланга; враг при отступлении обнаруживает, что все линии связи перекрыты; это Заальфельд, потом Иена. Прусская армия разгромлена. Прекрасная королева Пруссии Луиза, так хотевшая этой войны, спасается бегством. Жозефине: «Друг мой, я предпринял против пруссаков удачные маневры. Я одержал вчера большую победу. Я был совсем рядом с королем Пруссии; чуть было не взял его в плен, и королеву тоже… Чувствую себя замечательно».

Да, он чувствует себя замечательно, хотя спит по четыре часа в сутки. Даже толстеет. Он счастлив, как актер, ощущающий себя в полном расцвете сил. И потом, пруссаки — это солдаты Фридриха Великого, лучшие в мире, и он победил их, отомстив за Россбах, поражение тех времен, когда Бонапарты и французами-то не были. «Если был на свете герой, на которого он хотел быть похожим, то это именно Фридрих, король-философ: он даже стремился подражать ему в одежде; небольшая шляпа, серый сюртук — это более, чем намеки» (Максимилиан Вокс). Какая чистая радость для того, кто жил, уподобляясь Фридриху Великому, ночевать в Потсдаме в его дворце и отправить его шпагу в Париж, в госпиталь Инвалидов. Бюллетени Великой Армии отражают ликование императора, выражавшееся в добродушии, безыскусном и властном одновременно, а порой и в снисходительной мягкости, как в случае с г-жой Ацфельд, чей муж, уличенный в двойной игре, был приговорен к расстрелу: вручив ей письмо, доказывающее виновность мужа, император сказал: «Что ж, мадам, бросьте это письмо в огонь». Здесь он подражал не столько Фридриху, сколько Августу — и Корнелю. Комедиант? Трагик? Может быть, но величественный и в той, и в другой роли, а равно и трезвый зритель собственной игры.

«Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссия перестала существовать» (Генрих Гейне). Триумфальный въезд в Берлин сопровождался, к приятному удивлению Стендаля, звуками «Марсельезы» — республиканского гимна. Собирался ли император вновь стать генералом Революции? Если бы в эти славные дни он нашел опору в народах, если бы вместо монархов посадил в Берлине и Вене своих людей, он, по мнению Стендаля, был бы непобедим. Но Наполеон мечтал быть допущенным в монарший клуб. Опасное самоуничижение. Чтобы заставить с собой считаться, ему оставалось разделаться с двумя врагами: Англией и Россией. Против первой он 21 ноября 1806 года подписал знаменитый декрет о континентальной блокаде. Впредь всякая торговля с Англией запрещалась во всей Европе. Остается принудить царя соблюдать этот декрет, и Наполеон вступает в

Польшу.

Воевать с русскими — это все равно что гоняться за призраками. Они ускользают неслышными шагами. Снег скрывает под собой все. Приходится биться по ночам с потусторонними пришельцами, имеющими приказ не издавать ни звука. Снабжение Великой Армии становится непростым делом; «ворчуны» (а так называли наполеоновских гвардейцев) ворчат. И снова — поведи себя Наполеон как освободитель Польши, и народ был бы с ним. Прекрасная графиня Мария Валевская принесла себя в жертву (без особого отвращения) и отдалась ему из патриотизма, чтобы он освободил Польшу. Но, страстно желая примирения с царем Александром после победы, он не хотел делать ничего непоправимого. Правда, это не умаляет значения эпизода с Валевской, так как прекрасная графиня забеременела и это доказало, что Наполеон может иметь детей, а значит, породить наследника. В дальнейшем это привело его к разводу.

Если бы русские прибегли к своей традиционной стратегии — без боя углубиться в бескрайние степи, заманить неприятеля в свои снега, — первая Русская кампания уже в 1807 году кончилась бы разгромом. Но Беннигсен рвался в бой; и грянула его битва — Эйлау, кровопролитное сражение, где был уничтожен корпус Ожеро, где русская кавалерия подошла к кладбищу Эйлау и чуть было не добралась до Наполеона. Император сохранил жуткое воспоминание об этой бойне. До сих пор он выигрывал битвы в основном ногами солдат и быстротой интеллекта. Но это уже не была «свежая и радостная» война. Были ли вообще при Эйлау победитель и побежденный? «Такое побоище! — сказал Ней. — И безрезультатно». Русские отслужили благодарственный молебен. Это один из способов убедить себя в победе. Наполеон, набравшись терпения, поселился в Варшаве, может быть, немного из-за Марии Валевской и уж точно из-за верности своей навязчивой идее. Ему нужна была дружба Александра. Из этой далекой столицы император правил Францией при помощи невероятно точных писем; организовывал в Париже празднества, информировал Фуше о предосудительном поведении г-жи де Сталь, заказывал художникам картины на определенные сюжеты. Наконец появляется возможность дать столь желанное сражение; битва при Фридланде состоялась в день годовщины Маренго (14 июня 1807). На сей раз победа сомнений не вызывала. Александр, разозлившись на союзников, попросил Наполеона о встрече.

Она состоялась в Тильзите, посреди Немана, на плоту с палаткой. Два императора обрушили друг на друга свое обаяние. Каждый из них умел очаровывать, и, похоже, внезапно вспыхнувшее расположение было взаимным. Наполеон поклялся

себе обольстить этого «весьма красивого, доброго и молодого императора». Судя по всему, это ему удалось: «Больше всего мне понравился этот человек», — сказал Александр. И как устоять перед таким умом, такой «деликатностью души» (Бенвиль), ведь он считался даже с чувством неловкости царя перед союзниками. На тильзитском плоту Александр встретил не Революцию в сапогах, а человека светского и весьма образованного. Наполеон со своей стороны не устает хвалить нового друга: «Мы вставали из-за стола рано, дабы избавиться от надоевшего нам прусского короля. В девять часов император приходил ко мне в штатском попить чаю… Мы говорили о политике и о философии. Он хорошо образован и полон либеральных идей». Солдат, обласканный фортуной, отстаивал наследственную монархию; просвещенный деспот склонялся к монархии выборной. Наполеон покинул Тильзит с уверенностью, что приобрел друга. «Все это было весьма абсурдно», и очень скоро он стал упрекать красивого молодого человека в лукавстве «византийского грека». Но, как опять же утверждает Стендаль, если здесь и была ошибка, то ошибка хорошая, от избытка доверия. И Наполеон проявил больше великодушия, чем Александр. Мир был умеренным, хотя Пруссия лишилась территорий («оба крыла черного орла были сломаны»), а царь вынужден был скрепя сердце признать герцогство Варшавское — некий компромисс по польскому вопросу.

Позже, когда на острове Святой Елены Наполеона спросили, в какой период жизни он был наиболее счастлив, император ответил: «Может быть, в Тильзите… Я был победителем, диктовал законы, за мной ухаживали короли и императоры». Он вернулся в Париж 27 июля, «в зените славы». День его рождения, 15 августа, был отпразднован с неслыханным блеском. Французы «не просто славили героя» — они поклонялись государю. Если и была тогда оппозиция, она молчала. Да и где бы она могла заявить о себе? Прессу держали в узде. Трибунат без шума, без сопротивления был смещен простым сенатус-консультом. А между тем Наполеон испытывал странное чувство неуверенности. Слишком прекрасна мечта, слишком удачно осуществление. «Лишь бы это продлилось», — повторяет с корсиканским акцентом мудрая и недоверчивая императрица-мать, и сын знает, что она права. Он силится поддержать дух Тильзита; пишет царю: «Мы покончим с Англией; мы помирим весь мир», но знает, что брошенные им якоря ненадежны. И в Санкт-Петербурге, и в Берлине, и даже в Париже витает сомнение, что все это надолго. Он и сам сомневается. Слишком тяжела, слишком велика Европа, чтобы один человек мог удержать ее в своих руках. Уже поступают

тревожные известия о новых затруднениях в Испании. Империя — это огромное здание, великолепно спланированное и удивительно быстро построенное; однако то там, то здесь появляются трещины, и стоит императору зацементировать одну щель, как где-нибудь в другом месте с грохотом обрушиваются целые стены.

Закат Империи

Адской машиной, угрожавшей Империи, оказалась континентальная система. Конечно, блокада наносила вред Англии; множилось число безработных, таял золотой запас. Но она была небезобидна и для Европы. Сам Наполеон, испытывая нужду в некоторых товарах, вынужден был предоставлять лицензии. Русские бояре приходили в бешенство от того, что не могут продавать лес и пеньку. Налаживалась контрабанда. Некоторые порты оставались открытыми для английских судов. Дания, пожелавшая было присоединиться к лиге нейтральных государств, была остановлена предупредительными залпами. Швеция приняла сторону Англии. Португалия, продававшая англичанам вино, колебалась. Тогда Наполеон объявил династию Браганца низложенной и послал в Лиссабон Жюно, который победоносно вступил в столицу в момент, когда королевская семья, спасаясь бегством, направилась в Бразилию.

Действует цепная реакция. Папская область отказывается закрыть свои порты для англичан; генерал Миоллис занимает Рим. Портятся отношения с папой. Испания с опаской глядит на солдат Мюрата, обосновавшихся на ее территории якобы для того, чтобы помочь Жюно и предотвратить высадку англичан на полуостров. В династической иерархии Испании полная неразбериха. Князь Мира, министр Годой, заставляет короля Карла IV играть весьма постыдную роль; наследник, принц Астурийский, готовит заговор против отца. Мятеж возводит его на престол под именем Фердинанда VII. И тогда у Наполеона создается впечатление, что во всей этой неразберихе испанцы будут счастливы получить короля из его рук. Мюрат, находясь на месте событий, всячески поддерживает его в этом мнении, так как надеется, что трон достанется ему. Но император отдает предпочтение Жозефу; он собирается «передвинуть» королей: Жозеф получит Мадрид, а Мюрат — Неаполь. Заманив в Байонну Карла IV и Фердинанда, Наполеон делает их своими пленниками.

Ужасная акция, грубейшая ошибка. На сей раз все было рассчитано неверно. Он, столько всего знавший, ничего не знал об Испании. Он думал, что испанцы будут счастливы избавиться от ничтожного государя, фанатичных монахов и алчных вельмож. Он столкнулся с народом набожным, горячо патриотичным, не боящимся ни умирать, ни убивать и ставящим честь превыше всего. Оставленный всеми, Жозеф пишет брату одно письмо за другим, предупреждая о серьезной опасности. «Чтобы покорить Испанию, нужны колоссальные средства, — считает

пессимистически настроенный Бонапарт-старший. — Эта страна, этот народ ни на кого не похожи… Не осталось ни одного испанца, кто бы примкнул к моему делу». Жозеф говорил правду. Испания отторгла его как инородное тело. Священники возглавили партизанские отряды. Война была беспощадной. В 1808 году — катастрофа: генерал Дюпон капитулировал перед повстанцами в Байлене вместе с 20 000 французских солдат. Император пришел в бешенство, как некогда во времена Булони. Его ярость можно понять, ибо стоило Европе почувствовать, что он уязвим, более того — ранен, как она вся обрушилась бы на орлиное гнездо. Чтобы восстановить положение, он перед отъездом в Испанию хочет повидаться со своим «другом» Александром. Обеспечив таким образом тыл, он собирается вести Великую Армию на Мадрид и покончить с «герильей». Он знает, что в его присутствии победа французам не изменит.

Именно тогда состоялась знаменитая Эрфуртская встреча с царем и немецкими князьями. Он пригласил «Комеди-Франсез». Тальма играл перед «партером королей». Государи Германской конфедерации почтительно слушали простодушные рассказы гостя о его молодости. «Когда я был лейтенантом артиллерии…» Он красуется успехом. Красуется и культурой перед великими немецкими поэтами: Гете, Виландом. «Вы — человек, господин Гете». Александр играет свою роль не хуже. Когда Тальма декламирует: «Дружба великого человека — это дар богов…», царь, наклонившись к Наполеону, говорит: «Я замечаю это каждый день». Искренен ли он? Вопреки видимости, чувствуется, что дух Тильзита в прошлом. Александр избегает конкретных обязательств. Ему дает советы Талейран, который, остерегаясь необузданного характера императора, видит свое служение в том, чтобы чинить на его пути всяческие препятствия. От предосторожности недалеко и до предательства. Вскоре князь Беневантский скажет: «Это начало конца». Наполеон, твердо решивший развестись, не прочь жениться на великой княжне. Талейран одобряет (тайно) отказ царя. В общем-то, в Эрфурте Наполеона переиграли. Он щедро расточал свой блестящий ум и ничего не получил взамен. Нет ничего печальнее «неудавшегося празднества». После последней беседы с Александром он долго хранил молчание. Дорого обошлись ему события в Испании: он потерял и в живой силе, и в мировом престиже.

Но разве нет у него «ренты в сто тысяч человек»? Одна ночь в Париже — и все пойдет на лад. А пока надо переправить войска из Германии в Пиренеи. Дело это тем более срочное, что англичане высаживаются в Испании и Португалии. Британская политика, направленная против назойливого победителя,

остается прежней: сохранять власть над морем, захватывать острова и другие колонии, вынудить неприятеля протянуть линии связи по берегу, а потом атаковать там, где возможно снабжение с моря и где есть местные партизаны, которым можно поставлять оружие и деньги. Английские генералы сэр Джон Моор и сэр Артур Уэлсли (будущий Веллингтон) просто великолепны. «У них лучшая в мире пехота, сказал молодой Бюго. — Слава Богу, ее не так много». На этом новом континентальном фронте присутствие императора становится просто необходимым.

История Наполеона напоминает миф о Сизифе. Он мужественно катил вверх свою каменную глыбу — Арколе, Аустерлиц, Иена; потом каждый раз камень срывался вниз и, чтобы снова поднять его, требовалось все больше мужества, все больше усилий. В октябре 1809-го, когда камень оказался в самом низу, император устремляется в Испанию с 160 000 солдат — призывников 1810 года, преждевременно поставленных под ружье вместе с ветеранами. Против такой человеческой массы испанские патриоты выстоять не могут. В свой заветный день, 2 декабря, он подступает к Мадриду. Там он сажает брата на трон, упраздняет инквизицию, феодальные права, закрывает множество монастырей и надеется тем самым привлечь симпатии масс. И снова демонстрирует полное непонимание этой восторженной и дикой страны, единодушной в мятежном непокорстве. Из Парижа предупреждают, что в его отсутствие Талейран и Фуше готовят против него заговор. Он мчится в Париж, застает врасплох недовольных, но не решается их покарать. Увы, они ему необходимы.

Обеспокоенной французской общественности он говорит: «Войн больше не будет». Однако адская машина не обезврежена. В Испании Сульту и Ланну приходится драться жестоко и беспощадно, противостоять засадам в горах, вести уличные бои в городах. В Пруссии под влиянием пропаганды философов и студентов нация пробуждается и готовится к освободительной войне. Австрия еще считает себя способной возглавить это движение. Она начинает реорганизацию армии. Императрица вышивает шелковые ленты для будущих знамен. Англия посылает субсидии, царь — тайные пожелания. Католики возмущены тем, как обошлись с папой. В апреле 1809 года эрцгерцог Карл атакует в Баварии. Сизиф должен снова браться за свою глыбу и ползти вверх по проклятому склону. Это становится все тяжелее. Ренты в сто тысяч человек уже оказывается недостаточно. Его армия состоит теперь из слишком юных или слишком старых солдат. Правда, победа по-прежнему верна своему избраннику, и он во второй раз входит в Вену, однако потери его ужасны.

Черной чередой поступают дурные вести. Португалия потеряна, Испания под угрозой. Римский папа арестован, выслан, измотан бесконечным путешествием в почтовой карете. Но Наполеон одерживает блестящую победу при Ваграме. И не развивает ее — отчасти из-за нехватки кавалерии и артиллерии, отчасти из-за того, что намерен идти на уступки. Ваграм не дал ему той чистой радости, что была при Аустерлице: «Мы, победы, знаем теперь, что мы смертны». Он уже стремится не столько раздавить Австрию, сколько вовлечь ее в свою игру. Ему не удался русский брак, так, может, удастся австрийский? Ему было отказано в руке великой княжны, так, может, получится жениться на эрцгерцогине? Ведь гигантская Империя ждет наследника. Государственные интересы требуют развода.

Он решается на это не без сожалений. Во-первых, он всегда любил Жозефину, физически и, можно сказать, социально; она безупречная императрица, немного расточительная, но это не так уж важно. А кроме того, она популярна, знает об этом и защищается. Потом понемногу она дает Фуше и своему сыну Евгению убедить себя, что «речь идет о поступке, определяемом политикой, о свидетельстве беззаветной преданности императора обязательствам, налагаемым наследственным троном, о личной жертве в интересах государства». Акт о расторжении брака подписан; Жозефина остается императрицей с двумя миллионами ренты и дворцом Мальмезон. Препятствием оказывается религиозный брак, наспех заключенный в ночь накануне коронации. В принципе расторгнуть его мог бы только папа, но, будучи пленником императора, папа отказывается заниматься церковными делами. Парижский церковный суд берет на себя смелость выступить в роли верховного понтифика и расторгнуть брак, ссылаясь на недостаточность религиозных уз, вызванную «тайным характером венчания».

Теперь, если только император Франц согласится, путь к австрийскому браку открыт. Получается, что этого хотят оба императора: Наполеон стремится сделать могущественного члена сообщества наследственных монархов заинтересованным в поддержании во Франции новой династии; Франц желает «вырвать Наполеона из рук царя, вовлечь в австрийский альянс повелителя судьбы», но при этом, добавляет Меттерних, остается готовым пойти против него, если звезда его начнет меркнуть. В феврале 1810 года получено официальное согласие Вены. Юная принцесса, восемнадцатилетняя Мария-Луиза, принимает на себя роль Ифигении, принесенной в жертву, дабы выиграть время. Наполеон опьянен тем, что вступает в семью Габсбургов. Этот снобизм был его слабостью. Он начал с того, что воплощал

Революцию в сапогах, а кончил тем, что распахнул свою постель для племянницы Марии-Антуанетты. Ему так не терпелось увидеть Марию-Луизу, что он выехал ей навстречу по Сен-Жерменской дороге, остановил экипаж и увлек ее к себе в комнату. Впрочем, он имел на то законное право. Брак был заключен заочно в Вене при посредничестве Бертье, и принцесса прибыла во Францию уже как императрица. На сей раз брак по крайней мере был не бесплодным. И в первый же год (20 марта 1811 г.) на свет появился наследник, которому в память о Священной империи германской нации с самого рождения был присвоен титул римского короля.

В тот момент у Наполеона возникло чувство, что будущее за ним — и за его сыном. Но каким образом австрийский брак мог уладить его дела? Пока Англия оставалась враждебной и непобежденной, ничто уладиться не могло. Император рассчитал, сколько времени потребуется на то, чтобы континентальная блокада вынудила англичан капитулировать. Срок истек, но Англия не сдавалась. Ее король был безумен, регент ничтожен, министры посредственны. И это ничего не значило. Англию поддерживали ее инстинкты и добродетели. Благодаря владычеству над морем она обосновывалась во всех колониях, освобождала Южную Америку, занималась колоссальной контрабандой в Европе и таким образом сохраняла свое влияние. Россия впустила к себе сто пятьдесят английских судов под американским флагом. Сам Наполеон вынужден был склониться перед волей обстоятельств и разрешить перепродажу захваченных товаров, в которых нуждалась Франция. Поскольку Швеция избрала своим королем французского маршала Бернадота (родственника Жозефа, женатого на Дезире Клари), император надеялся, что этот французский король поддержит блокаду, однако Бернадот заявил, что «во всем полагается на лояльность царя». Он знал, к чему склоняется царь. Балтика открылась для британской торговли. В Испании положение не улучшалось. Англо-португальская армия Веллингтона успешно противостояла Нею, Массена, Жюно. Скала колебалась сверху донизу.

Между тем сознание масс все больше тревожит конфликт с Римской Церковью. Наполеон хочет во что бы то ни стало навязать свою власть папе. Если Пий VII не покорится, император созовет национальный собор, Западный собор, чтобы «Церковь моей Империи была крепка единой дисциплиной, как она крепка единой верой». В конце концов, разве ему не подвластен почти весь христианский мир? Он возобновил затихший несколько веков назад спор об инвеституpах. Папа отказывается утверждать новых священников. Созванный в Париже под председательством

примаса галлов, кардинала Феша, Собор постановляет, что по истечении шести месяцев инвеститура может быть выдана архиепископом или старейшим из епископов. Наконец в мае 1812 года император расторгает конкордат и отдает приказ перевезти папу в Фонтенбло «в одежде простого священника». Ранг заложника представляет опасность для тюремщика.

Таковы трещины, угрожающие Империи. Можно ли сказать, что она в опасности? Некоторые особо прозорливые люди вроде Талейрана видят на горизонте страшные грозовые тучи. Наполеон по-прежнему уверен в себе. Он собирается сделать Париж столицей Запада. Никогда еще со времен золотой поры Консульства французское общество не казалось таким великолепным. Но это лишь видимость. Безработица начинает вызывать беспокойство, урожай остается недостаточным. И владельцы мануфактур, и рабочие отмечают, что блокада сделала невозможным экспорт. Руан, Вервье, Лион, Гент завалены нераспроданным ситцем и бархатом. Политика еще не следует за экономикой. На какое-то время французы довольствуются славой. Они по-прежнему восхищаются подарившим им ее императором и любят его, но начинают опасаться, что еще одной «последней войны» — с Россией — не миновать. После победы, не вызывающей никаких сомнений, французская Европа станет реальностью.

Империя. Завершающая фаза

Встреча с Александром в Эрфурте стала для Наполеона и политическим, и личным разочарованием. Император французов уже не мог считать, что обольстил императора России. Царь обеспокоен австрийским браком, континентальной системой, Великим герцогством Варшавским. По этому последнему вопросу Наполеон устроил сцену русскому послу: «Даже если ваши войска встанут лагерем на Монмартрском холме, я не отдам ни пяди варшавской территории». Подход благородный, но трудноосуществимый в случае, если казаки в самом деле оказались бы на Монмартре. 25 апреля 1812 года Александр сам делает первый шаг к разрыву: он требует, чтобы французские войска покинули Пруссию. Наполеон медлит с ответом на ультиматум и поспешно отправляется вместе с Марией-Луизой в Дрезден, навестить австрийских родственников — прусского короля и немецких князей. Он великолепен, обольстителен, получает иностранный контингент поляков, пруссаков, саксонцев, вестфальцев, баварцев, австрийцев — и обещает, что «через три месяца это будет сделано». Под «этим» подразумевается поражение России.

Задуманный им сценарий прост. Его Великая Армия состоит из более чем шестисот тысяч человек (наполовину иностранцев). Он командует ею лично вместе с лучшими из маршалов. Он не сомневается, что одолеет русских своими маневрами. После этого царь запросит мира; снова восторжествует дух Тильзита, и Европа станет единой. Главное, чтобы все произошло очень быстро, он не хочет углубляться в бескрайние русские равнины. Однако в плане своем он уверен. «Стоило какой-нибудь полезной, на взгляд императора, идее завестись в его голове, как он начинал строить иллюзии. Он принимал ее, лелеял, проникался ею», — говорил Коленкур. Только невдомек императору, что царь, генералы, дворянство и крепостные в России единодушны в стремлении противостоять завоевателю; что они полны решимости опустошить перед ним деревни и города; что они будут упорно отступать, вынуждая его сделать заведомо роковую вещь углубиться в самое сердце России. Два русских генерала, Барклай-де-Толли и Багратион, избегают боя. Наполеон думает заставить их драться, форсированным маршем зайдя туда, где еще недавно был тыл врага. Но в этой стране солдатские ноги не приносят побед. Однажды вечером он сказал Мюрату: «Солнце Аустерлица взойдет завтра в пять часов». Но на следующий день неприятеля там уже не было. Озадаченный, сбитый с толку

император вынужден признать, что факты не оправдали его расчетов; Александр не просит мира.

Великая Армия вступает в Смоленск. Русская армия подожгла город и скрылась. Ее возглавил Кутузов — русский полководец старой закалки. В «Войне и мире» Толстого есть захватывающее описание этого неукротимого старца, вялого, дремлющего на советах, уповающего не на маневры, но на фанатичную веру в Святую Русь. Наконец император видит, что русская армия заняла позицию на Бородинском поле (7 сентября). Большой редут взят атаками Нея, Мюрата и Евгения; Даву даже удалось на нем закрепиться. Потери с обеих сторон огромны, но битва была бы выиграна, если бы Наполеон пустил в ход свою гвардию, находившуюся в резерве. Но он не мог на это решиться. Генералы возмущены. Ней сказал: «Пусть возвращается в Тюильри!» Почему такая слабость? Потому что за его спиной, между Францией и Великой Армией, огромное пространство. Германия, Австрия в любой момент могут пойти против него. Он не отдает приказа, русским ничто не мешает продолжать отступление. И император вынужден идти на Москву против своей воли. Вскоре на горизонте появляются колокольни, дворцы, Кремль. На сей раз Александр не сможет не попросить мира. Москва станет новым Тильзитом.

Но нет, Москва загорелась «в ночи, как факел». Кто поджег город? Губернатор Ростопчин? Возможно. Русские обвиняют французских мародеров, их ненависть и решимость возрастают. Наполеоновские «ворчуны» падают духом. Зайти так далеко, чтобы найти объятые пламенем дома! Австрийцы Шварценберга подумывают о том, как выйти из игры. Император поначалу выглядит удрученным: «Это предвещает нам большие беды», но потом его удивительная энергия вновь придает ему оптимизма. «Москва — это великолепная политическая позиция», чтобы ждать мира. А пока он занят реорганизацией «Комеди-Франсез» (Московский декрет). Затем, видя, что русские не торопятся делать ожидаемый первый шаг, он сам обращается с письмом к своему доброму другу Александру. Ничего. По-прежнему ничего. Наступает октябрь и ужасная русская зима. Правда, пока тепло, он пытается себя успокоить: «Видите, осенью здесь солнечнее и даже теплее, чем в Фонтенбло». Расчетливый стратег превратился в игрока. Он рискует все поставить на последнюю карту: предлагает мир Кутузову. Отказ. На сей раз надо уходить; он и так задержался слишком долго.

И началось тяжелейшее отступление, преследуемое казаками, крестьянами и генералом по имени Зима (-35+-С). Армия не может остановиться в Смоленске; она продолжает путь к

Березине, по льду, под снегом, почти без всякого снабжения. За ней тянутся четырнадцать тысяч отсталых. Переправа через Березину под русскими ядрами, пробивающими лед, обернулась трагедией. Но личность императора спасена. Курьер из Франции сообщил, что в его отсутствие возник заговор под руководством генерала Мале и на одну ночь он был свергнут, так как объявили о его гибели. Положение было восстановлено, но событие это продемонстрировало, насколько уязвима Империя. «А императрица? А римский король?» Никто о них и не подумал. Он сказал близким, что ему необходимо вернуться во Францию. «При нынешнем положении вещей я могу повелевать Европой только из Тюильри». Значит, надо покинуть армию; он передает командование Мюрату, менее способному, чем Бертье, но зато королю. Иерархия есть иерархия. Прежде всего он должен объяснить свой отъезд и поражение французам. И тогда он диктует удивительный XXIX Бюллетень Великой Армии, освещающий события спокойно, торжественно и с достоинством. Затем отправляется в путь вместе с Коленкуром, сначала в карете, потом на санях.

Удивительным было это путешествие императора, инкогнито пересекшего Европу вместе с несколькими спутниками, в шубе, плохо защищавшей его от холода. Еще более поражает почти бессознательное веселье императора. «Наши бедствия, говорит он, — приведут Францию в величайшее волнение, но мой приезд предотвратит его нежелательные последствия». Он верит, что Европа будет ему возвращена. «Невзгоды, пережитые Францией, положат конец всякой зависти… Теперь в Европе заслуживает внимания только один враг. Этот колосс — Россия». На что более прозорливый Коленкур отвечает: «Это вас все боятся, Ваше Величество». Наполеону такой страх кажется странным. Его? Но он же никогда не хотел войны. На все, что он сделал, его толкнула Англия. «Я не какой-нибудь Дон Кихот, чтобы искать приключений. Я человек разумный и делаю только то, что считаю полезным». Что же касается отступления Кутузова, пожара Москвы, в его глазах это просто нелепость. «Мы жертвы климата; мне изменила погода». Испания? Она его не беспокоит. «Если бы тридцать тысяч англичан высадились в Бельгии или в Па-де-Кале, они нанесли бы нам больше вреда, чем заставляя меня держать армию в Испании». В Познани он принимает гонцов из Франции. Со страстным нетерпением разрывает конверты. Читает письмо от императрицы — «Не правда ли, у меня отличная жена?», потом от госпожи де Монтескью (мамаши Кью), гувернантки сына. «Этот человек, столь поглощенный делами, стал на какой-то момент просто хорошим, самым лучшим мужем и нежнейшим из отцов»,

рассказывает Коленкур.

Приезд в Париж отчасти дал основания для такой безмятежности. Страшный XXIX Бюллетень был опубликован в «Монитере», но присутствие императора в Париже отогнало многие опасения. «Мы скорее удручены, чем обескуражены», сказал он. И еще, своим министрам: «Что ж, господа, удача ослепила меня; я слишком увлекся. Я был в Москве; думал, что подпишу мир, и задержался дольше, чем нужно». Коленкур судил намного строже. Он верил в гений императора, но считал, что, умея созидать, он не умел сохранять. У императора были плохие помощники, потому что совершенные им чудеса приучили маршалов и министров в делах успеха всецело полагаться на него. Быстрые результаты Итальянской и Германской кампаний избаловали всех. Отступление из России было подготовлено в последний момент, наспех, а значит, очень плохо. Передвижение назад было не в традициях Великой Армии. И потом (самая серьезная для вождя ошибка) он не любил думать о том, что ему неприятно. «Фортуна так часто улыбалась ему, что он никак не мог поверить в ее абсолютную измену».

А она действительно изменила. В России Мюрат передал командование остатками армии Евгению. Шварценберг издевается над этими переменами: «От императора мы перешли к королю; а теперь у нас вице-король». Австриец ведет переговоры с Кутузовым и тем самым обнажает правый фланг армии. Пруссия? Там патриоты стремятся к союзу с Россией. Австрия? Чтобы задобрить Франца II, Наполеон планирует сделать Марию-Луизу регентшей. Это значит плохо знать Меттерниха. Англия? Ему ясно, что она не заключит мира, пока Бельгия в его руках, а он погубил бы себя в глазах французов, если бы пошел на позорную сделку. Положение его более чем сложно; оно просто отчаянно. Начинается травля. В 1813 году Пруссия объявляет ему войну. Он еще выигрывает битвы, под Люценом, под Бауценом, но все напрасно. Монархи не только объединяются против него — они пытаются отрезать его от Франции.

Многие маршалы считают, что началась ликвидация авантюры. После Лейпцигской битвы, где сто тысяч французов сражались против трехсоттысячной армии противника, вся Европа пошла на Наполеона. Шестьсот тысяч русских, австрийцев, немцев и англичан окружили Францию со всех сторон. Никогда стратегический талант императора не проявлялся с большей силой, чем в эту французскую кампанию. «Только генерал Бонапарт может спасти императора Наполеона», — говорил он. Генералу не изменило ни чувство долга, ни его гений. Но теперь ему никто не помогал и никто не служил. Маршалы думали о

своем будущем и искали выход. Солдаты были детьми. Наполеон бился на всех фронтах, расправившись с австрийцами, кидался на пруссаков, давал в Монмирайле и Шампобере битвы, достойные Арколе и Аустерлица. Но победа, по его собственным словам, в конечном счете остается за большими батальонами. Кольцо завоевателей сжималось вокруг героя и его сподвижников.

Кто хочет поразить Францию в сердце, нацелен на Париж. В марте 1814 года император еще мечтал о блестящих маневрах в арьергарде неприятеля в Лотарингии, когда узнал, что Блюхер и Шварценберг стоят под стенами столицы. Жозеф капитулировал. Первой реакцией Наполеона было: «Какая подлость! Приди я на четыре часа раньше, все было бы спасено». И потом, пылко: «Где меня нет, делаются одни только глупости». Но он еще не думал, что все потеряно. Он поручил Коленкуру пойти посмотреть, «на что можно надеяться». Коленкур повидался с царем, прусским королем, Шварценбергом. Все сказали, что хотят мира, но без Наполеона. Ему император Александр предоставлял «все что угодно» в отношении дохода, но без права жить как во Франции, так и в Италии. Где же тогда? Коленкур назвал Корсику, Сардинию, Корфу. Александр упомянул остров Эльба; Коленкур поспешил превратить это в «обязательство» на случай, если императору придется отречься. Мария-Луиза и римский король уже покинули Париж.

Между тем Наполеон, увидев, что дорога на Фонтенбло открыта, поехал туда. Там к нему явилась делегация маршалов во главе с Неем и потребовала отречения. Они не видели для Франции иного спасения, кроме возвращения Бурбонов! «Людовик XVIII будет хорошо воспринят монархами Европы», — говорили они. Наполеон попробовал увлечь их в последний раз. «Мы будем драться», — сказал он им. Они были непоколебимы. Из «Мемуаров» Коленкура известно, что он попытался покончить с собой. Но и яд предал его. Тогда он смирился. Регентство? Римский король? Он знал, что это иллюзия. На лестнице двора «Белой Лошади», в обстановке, достойной кисти самого великого живописца, он распрощался со Старой Гвардией: «Если я согласился вас пережить, то только для того, чтобы еще послужить вашей славе. Я хочу описать великие деяния, осуществленные нами вместе…» Когда он целовал орла, «ворчуны» плакали. Только они любили его; только они остались ему верны.

«Образ мыслей должностного лица определяется его жалованьем». И его политика тоже. Маршалы и высокопоставленные чиновники, призванные исполнять роль флюгеров, предложили свои услуги Бурбонам. И граф д'Артуа, и

даже монархи вражеских держав были встречены в Париже с неприличным энтузиазмом. «Каждый, казалось, вернулся из Кобленца… Носовые платки и нижние юбки превращались в белые флаги» (г-жа де Шатобриан). Сам же Наполеон спешит уехать из Фонтенбло. «Я мешаю… Почему они не покончат со всем этим?» Он надеялся, что Мария-Луиза получит Парму, что она будет ездить оттуда на Эльбу. Когда же он, наконец, пустился в путь, его неплохо принимали по дороге, за исключением Юга, где оголтелые роялисты обыскивали экипажи, чтобы найти его и повесить. Известно, что, очень храбрый на поле битвы, он боялся потасовки. Его видели 18 брюмера. Он переоделся в австрийскую форму, чтобы избежать насилия, и благополучно отплыл из Фрежюса на английском фрегате. Казалось, великое приключение подошло к концу.

В то время как в Вене монархи и дипломаты пытались переделать Европу, а Мария-Луиза, неверная императрица, танцевала, свергнутый император, как обычно, деятельно и энергично посвятил себя своему крошечному государству. В сознании истинных людей действия величие не знает масштабов. На острове Эльба Цезарь старался как можно лучше управлять королевством Санчо Пансы. Он построил дороги, богадельню, театр. Он поднимал непахотные земли. Может, он смирился бы, если бы к нему приехали жена с сыном. Но появилась только Мария Валевская с другим сыном. Разочарованный, Наполеон отверг ее нежные чувства. Почему уже в начале 1815 года он решил вернуться во Францию? Ему было всего сорок пять лет, и он чувствовал себя в силах бросить вызов Европе. Да и претензий было много: жену удерживали в Вене; обещанную пенсию не выплачивали. А главное, у него были основания опасаться за свою жизнь. Талейран повторял: «Надо избавиться от человека с острова Эльба». Жозеф, вернувшись в Швейцарию, предостерегал брата от убийц — шуанов и пруссаков. Новости, доходившие до Наполеона из Франции, свидетельствовали о непопулярности Бурбонов. Их возвращение в обозе иностранной армии задевало национальную гордость. Офицеры и солдаты, герои Великой Армии, переведенные на половину жалованья, дабы уступить место эмигрантам, дрожали от гнева при виде белого флага. Они пили за здоровье «британоголового малыша». 15 августа 1814 года они отпраздновали день рождения императора. Народ поговаривал: «Придет маленький капрал и избавит нас от лилий». Люди, приезжавшие из Франции, рассказывали императору, что республиканцы и бонапартисты готовят заговор против Людовика XVIII и что если Наполеон не поторопится, его может опередить герцог Орлеанский.

Последнее опасение ускорило решение. Наполеон подготовил свой отъезд с тщательностью начальника штаба. На Эльбе была отпечатана высокопарная прокламация. «Орел с национальным флагом полетит с одной колокольни на другую до самых башен собора Парижской Богоматери». Возвращение было исполнено величия. Император располагал всего тысячью человек и не мог рассчитывать на силу. Его оружием были воспоминания о пятнадцати годах славы, любовь народа, преданность солдат. 1 марта 1815 года он высадился в бухте Жуан. По плану он должен был добраться по предгорью Альп до Гренобля — города благоприятного, минуя роялистский Прованс, о котором остались дурные воспоминания. Солдатам, посланным его арестовать, он подставил грудь: «Если есть среди вас кто-нибудь, желающий убить своего императора, я перед вами…» Никто не выстрелил. Гренобль открыл ворота, затем Лион. К императору присоединялись целые полки, создавалась небольшая армия. У него уже было достаточно людей, чтобы брать Париж. Но будет ли Париж защищаться? Людовик XVIII не захотел ждать узурпатора «в курульном кресле с Хартией в руках», как советовал ему Шатобриан. «Мне это не по нраву», — сказал старый, больной подагрой король. Ней поклялся выступить навстречу Наполеону и привезти его в железной клетке. Одно письмо, пара слов и маршал снова был на его стороне. 20 марта император ночевал в Тюильрийском дворце. Он овладел Парижем без единого выстрела. Король и его министры бежали.

Гений восторжествовал, но что делать с этим торжеством? Ясно было, что союзники, собравшись в Вене, объявят Наполеона вне закона и окружат Францию. Готова ли она к сопротивлению на всех фронтах? Стремясь привлечь симпатии, он показал себя снисходительным и либеральным. «Я ни на кого не в обиде». Г-н Шатобриан нападал на него? Ну и хорошо. Бенжамен Констан бранил его? Он поручил ему составление дополнительного акта к конституции Империи, предусматривавшего свободные выборы, подотчетность министров парламенту, свободу прессы. Из-за этих уступок он терял вес в глазах военных, предпочитавших империю без всяких примесей. Люди остались те же. Ему пришлось снова привлечь предавших его маршалов, доверить полицию Фуше, сказавшему: «Наполеон для Франции что Везувий для Неаполя», призвать Карно, чтобы задобрить старых республиканцев. Таким образом, команда получалась не особенно сильной. Старые сановники, дискредитированные неоднократной сменой курса, не имели ни убеждений, ни авторитета. Плебисцит одобрил новую конституцию, но было много воздержавшихся. Свое принесение присяги Наполеон захотел превратить в обновленную церемонию

времен Карла Великого. Он и братья появились облаченными в римские одежды. Парижане в ответ усмехнулись. Серый сюртук имел бы больше успеха. Права была г-жа де Сталь: «Глупо пытаться замаскировать такого человека под конституционного монарха». Куда лучше было бы объявить, что отечество в опасности, вызвать массовый подъем, установить военную диктатуру. Но пружина после стольких испытаний ослабла.

С мая по июнь 1815 года император собрал 500 000 человек, союзники — более миллиона. Кроме того, Веллингтон спровоцировал новые беспорядки в Вандее. Это парализовало 25 000 человек, которые могли бы стать ценным подспорьем. Столкновение произошло при Линьи 16 июня, потом на унылой бельгийской равнине Ватерлоо 18 июня 1815 года. Диспозиции Наполеона были великолепны. Еще долго будут обсуждаться ошибки Нея, Груши, а также самого императора, который, победив при Линьи, не стал преследовать пруссаков на заре следующего дня. Упорная оборона Веллингтона отбила героические атаки Старой Гвардии. Вечером после Ватерлоо последняя французская армия отходила к Парижу побежденной. Теперь вся Франция требовала отречения. Наполеон сначала навестил свою падчерицу Гортензию в Мальмезоне, а потом отправился в порт Рошфор и на остров Экс. Он мог бы прорваться через блокаду и уплыть в Соединенные Штаты. Почитатели предлагали ему убежище в Новом Орлеане. Он предпочел сдаться англичанам. Бежать, спрятавшись в трюме, с риском быть там арестованным, он считал недостойным себя. Сдаться же без всяких условий злейшему врагу было жестом в стиле Плутарха. Он знал, что его письмо принцу-регенту станет украшением истории. «Ваше королевское высочество, став мишенью для мятежных группировок, раздирающих на части мою родину, и снискав вражду великих держав Европы, я завершил свою политическую карьеру. Как Фемистокл, я ищу приюта у очага британского народа. Я вверяю себя его законам и прошу покровительства у Вашего королевского высочества как самого могущественного, самого непримиримого и самого великодушного из моих врагов».

Английские министры руководствовались не столько законами гостеприимства, сколько соображениями осторожности. Опыт острова Эльба излечил их от благодушия. Они решили отправить генерала Бонапарта на Святую Елену маленький островок, затерянный в океане «далеко за Африкой». Несколько преданных людей пожелали последовать за ним в изгнание: Монтолон, Бертран, Гурго, Лас Каз, Маршан. Когда на борту «Нортумберленда» спутники Наполеона говорили об

«императоре», английский адмирал делал вид, что не понимает: «На судне нет императора». Ни император Австрии, выдавший за Наполеона свою дочь, ни император России, так часто называвший его братом, не могли бы отказать ему в этом титуле, не показавшись смешными. Англичане, никогда не признававшие победоносную Империю, обращались с пленным императором сурово. Деревянные бараки, где разместили Наполеона и его спутников в Лонгвуде, были построены для скота. Тюремщик Хадсон Лоу, человек с лицом висельника, был мелочен и ничтожен. Но дурное обращение послужило осуществлению последнего замысла императора. На острове Святой Елены у этого гениального режиссера оказались в руках все составляющие пятого акта. «Несчастьям тоже присущи героизм и слава. Моей карьере недоставало невзгод. Если бы я умер на троне в облаках собственного всемогущества, для многих мой образ был бы неполон. Нынче, благодаря несчастью, я наг перед судом людей».

Наг? Не совсем, ибо полная объективность по отношению к самому себе человеческой природе не присуща. Наполеон на острове Святой Елены знал, что окружен неутомимыми биографами, готовыми опубликовать любое из его воспоминаний, и, с вполне естественным кокетством, принял перед лицом потомков наиболее привлекательную позу. Он хочет нравиться и в самом деле нравится неожиданной свежестью мысли и чувства и какой-то необъяснимой, вновь обретенной молодостью. В «Мемориале» Лас Каза лейтенант Бонапарт спасает императора Наполеона. В Лонгвуде, листая атласы, он надолго задумался, наткнувшись на карту Корсики. Там все было лучше. Даже запах у земли там был особый. «Одно сознание, что я на Корсике, — говорил он, закрывая глаза, — и ничего другого не было бы нужно». Ее он не нашел нигде больше. Не только корсиканское дитя, но и младший лейтенант в нем не умер. Он был консулом, императором, повелителем мира; он спал с дочерью Цезаря и остался выслужившимся солдатом. На острове Святой Елены эта детская непосредственность помогла ему пережить резкий переход от дворца к ангару. На своей скале он часто думал, что предпочел бы жить в Париже на двенадцать франков в день. Ужинать за тридцать су, бывать в литературных кафе и библиотеках, ходить в партер «Комеди-Франсез». Одного луидора в месяц хватило бы, чтобы оплатить жилье. Он не так уж сильно отличался от Стендаля, и тот это отлично чувствовал.

Он начинал жизненный путь как литератор; он завершает его, диктуя, как обещал солдатам Фонтенбло, историю их великих свершений. Записывают Лас Каз и Гурго. У него есть одна неизменная черта — жажда чтения. Он просит читать ему

Евангелия и восхищается красотой Нагорной проповеди. Охотно слушает Корнеля, хотя и знает его наизусть. Да и сам он разве не выдающийся писатель? Иногда его фразы отточены и резки, как у Тацита: «Но как ответили в Англии на это великодушие? Сделали вид, что готовы принять врага в гостеприимные объятия, а когда он отдался им по доброй воле, уничтожили его». Падение прекрасно в своей внезапной суровости. Но в еще большей степени солдат, чем писатель, он судит о шедеврах с точки зрения знатока военной и политической техники. В «Митридате» Расина он не одобряет план кампании: «Может, как рассказ это красиво, но лишено всякого смысла как военная концепция». Читая Библию, он останавливается на каждом названии местности, чтобы рассказать о каком-нибудь из своих сражений. Он любит «Одиссею», но осуждает Улисса: «Монархам не подобает драться, как нищие».

Не подобает драться также и людям, окружающим монарха. Между тем на острове Святой Елены скука, убогие условия жизни и ревность раздирают небольшую группу мужчин и женщин, единственное связующее звено между которыми император. У молоденького Лас Каза прекрасная душа, но он оставил семью во Франции и уедет, как только получит все, что ему нужно, и соберет материал для «Мемориала». Бравый вояка Гурго претендует на исключительное право любить императора и грозит дуэлью Монтолону. «Он ополчился не столько на соперника, сколько на соперницу, г-жу де Монтолон, увядающую красавицу, которую имел основания подозревать в небескорыстных визитах в императорскую опочивальню» (Максимилиан Вокс). Наполеон старается его усмирить, треплет за ухо, называет «Горго… Горготто», делится с ним своими тревогами. «Вы думаете, у меня не бывает жутких моментов, когда, проснувшись среди ночи, я вспоминаю, кем я был и кто я теперь? Как медленно течет время! Какой крест! Нужно мужество, чтобы жить здесь». После ссоры со своим богом Гурго тоже покидает остров Святой Елены.

Потом свидетелей остается мало. Есть «Тетради» Бертрана, «Воспоминания» Маршана и «мамелюка» Али Сен-Дени. В них вырисовывается жизнь однообразная и тяжелая. Этой маленькой группке людей, поглощенных воспоминаниями и сожалениями, трудно удержаться на той высоте духа, что соответствовала бы ее положению. Император ожесточается. Да и как иначе? Он болен, стал желтым, одутловатым; он страдает от неудобства узкой кровати, от отсутствия физических упражнений, от растущей уверенности, что никакого «возвращения с острова Святой Елены» не будет. Иногда он приходит в себя и весьма успешно угрожает

ружьем тем, кто хочет нарушить покой его последнего жилища. Или же он, как прежде, засыпает окружающих вопросами. Но его ум — эта удивительная машина по сбору информации — теперь работает вхолостую. Он повторяется; он позволяет себе прибегать к грубым выражениям, почерпнутым в первых военных лагерях; увы, он все меньше похож на тот идеальный образ, что родился под пером юного Лас Каза. Близится момент развязки.

Хадсон Лоу удалил от него доктора О'Мира, который не был ему неприятен; Наполеон отказался от услуг английского военного врача; мать и кардинал Феш прислали корсиканских врача и священника. Врач никуда не годился; священник ничего не добился. Император жестоко страдал и не принимал никакой пищи. Умирал ли он, как отец, от опухоли в желудке? Так считалось долгое время. Доктор Ги Годлевски, проведя расследование на острове Святой Елены, диагностировал язву, вызванную отвратительной пищей и в особенности горем. Наполеон умер 5 мая 1821 года. Над островом бушевала гроза. Маршан завернул его в плащ Маренго. Монтолон и Бертран хотели выбить на могиле одно слово Наполеон. Хадсон Лоу потребовал: Наполеон Бонапарт. Монарх или генерал? Достичь соглашения было невозможно, и камень остался чистым. Далеко-далеко, в Европе, в момент его кончины юный Лас Каз вдруг услышал страшный удар грома. Началась легенда.

Легенда — это то, «что должно быть сказано», а мы должны сказать вместе со Стендалем, что Наполеон был «великим человеком». Когда окинешь взглядом эту удивительную судьбу, иногда возникает соблазн, как и он, приписать какую-то часть удачи генералу Случаю. «Великих людей делает успех», — говорил он. Но случай не мог бы быть столь постоянным. У всех могущественных вождей есть общие черты, без которых они не могли бы достичь такого влияния. Прежде всего, они ни во что не ставят то, к чему страстно стремятся обыватели. Никогда ни один лидер не имел столь обширных богатств и не пользовался ими так мало, как Наполеон. Затем, гениальные люди в действии видят вещи такими, как они есть, а не такими, как им хотелось бы. На протяжении всей триумфальной фазы своей карьеры Наполеон был реалистом и в грош не ставил всевозможные системы. Позже он пошел на спад, «потому что перестал сбиваться с пути». В глубине души он сохранил величие. Поскольку он не ждал от людей совершенства, то довольно легко прощал им промахи. «Есть пороки и добродетели, обусловленные обстоятельствами…» — говорил он. «Дурной поступок совершает человек, который по сути своей честен». Ум быстрый и разносторонний, невероятная работоспособность,

интеллектуальная честность, никаких иллюзий в отношении людей, искусство соблазнять их без лести — вот что способно удержать удачу. Наверное, причина его конечного поражения кроется в чересчур богатом воображении. Его планы были великолепны, но слишком многочисленны. Высшее искусство состоит не в том, чтобы преуспеть, но в том, чтобы остановиться.

Как бы ни относились люди к драме его жизни, никто не может отрицать величия его смерти. Прометей, прикованный к своей одинокой скале, в страдании и унижении он сохранил достоинство мученика. В июне 1815 года, после Ватерлоо, многие французы ненавидели Наполеона, оставившего им Францию оккупированной иноземцами. Очень скоро благодаря расстоянию, неприятию Бурбонов, красоте воспоминаний и рассказов о плене ненависть уступила место жалости, потом сожалениям. Его стали воспевать поэты. Виктор Гюго обязан ему самыми звучными из своих стихов. Даже в Англии его боготворили Байрон и Хобхауз. В армии навсегда сохранился незабываемый образ человека в маленькой шляпе и сером сюртуке, следуя за которым они «перешли через Альпы и через Рейн», победили всех королей Европы и донесли трехцветное знамя до самой Москвы. Память о Бонапарте народ неизменно ассоциировал с памятью о Революции. В 1830 году бонапартисты и якобинцы, объединившись, во второй раз прогонят Бурбонов.

Иногда на острове Святой Елены, в этой пустыне горечи и скуки, он жалел, что не погиб под Москвой. «Сир, — говорил ему Лас Каз, — тогда история лишилась бы возвращения с Эльбы, самого героического из всех поступков, когда-либо совершенных людьми… — Да, я понимаю, — отвечал император, — в этом что-то есть, но, скажем, Ватерлоо… Вот где мне следовало умереть». Вершители славы обычно смотрят на свою жизнь отстраненно, сверху и воспринимают ее просто как произведение искусства. Но Наполеон в дни полной ясности сознания знал, что остров Святой Елены был в его истории мерзостным, возвышенным и необходимым эпилогом. Он выиграл партию, потому что проиграл ее. Гробница императора в крипте Дома Инвалидов остается для французов местом паломничества, и не только благодаря Арколе, Аустерлицу и Монмирайлю. Современная Франция знает, что была вылеплена этой прекрасной рукой.

notes

Примечания

персонаж «Гаргантюа» Рабле. — Прим. пер.